

ТАТЬЯНА
ЛАКИЗЮК

ПОД
ПОКРОВОВОМ
ТИШИНЫ

КНИГА ВТОРАЯ

ИЗРЕЧЁННАЯ

ПОЛЫНЬ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Под покровом тишины

Татьяна Лакизюк

**Под покровом тишины.
Книга 2. Изреченная**

«Теория невероятности»

2025

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Лакизюк Т.

Под покровом тишины. Книга 2. Изреченная / Т. Лакизюк —
«Теория невероятности», 2025 — (Под покровом тишины)

ISBN 978-5-907962-59-0

Кристайн, скрывавшаяся от преследования королевского двора, оказалась поймана и заточена в подземелье. Она осталась совсем одна, и с каждым днем в ней угасает вера в айн – духов, владеющих магией звука. Тем временем королева придумала ужасающий план, чтобы заполучить ее силы, но для его исполнения нужно дождаться шестнадцатилетия Кристайн. День рождения все ближе, а шансов на спасение все меньше. Как у нее, так и у всей страны. Ведь чудовище, пожирающее жителей, выходит из-под контроля своего создателя. Сказки закончились, настало время дать бой. Но выдержит ли его Кристайн? «Изреченная» – заключительная часть дилогии Татьяны Лакизюк «Под покровом тишины».

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-907962-59-0

© Лакизюк Т., 2025
© Теория невероятности, 2025

Содержание

Пролог	6
Часть первая	9
Глава 1	9
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	42
Глава 8	48
Глава 9	55
Глава 10	59
Глава 11	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Татьяна Лакизюк

Под покровом тишины

Книга 2 «Изреченная»

Иллюстрация на обложке: Анна Ремез

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения издательства «Полынь».

© Лакизюк Т. А., текст, 2025

© ООО «ИД «Теория невероятности», 2025

* * *

Сказанные слова никуда не исчезают.

Настанет час, когда придется ответить за них.

Пролог

– Странные дела творятся в нашем королевстве. – Пожилой гробовщик отложил в сторону рубанок, стряхнул свежую стружку с колен и озабоченно нахмурился.

Мохнатые седые брови, припорошенные древесной пылью, словно снежные шапки, взгромоздились над колючими глазами, в которых светилось недоумение пополам со страхом.

– Томас, тише говори, тише. – Его жена суетливо поправила волосы и испуганно посмотрела по сторонам, словно они находились не в мастерской с плотно закрытыми окнами и дверью, а посреди людной площади.

– Не шикай на меня, Берта! Тут хоть тихо, хоть громко! От фактов-то никуда не деться. Факты, они такие... Упрямые, – проворчал гробовщик.

Брови еще больше нависли над глазами, практически скрыв их.

– Людей все меньше, а у нас работы нет. Куда они пропадают? – Он огорченно всплеснул руками.

Пыль и опилки взметнулись, на секунду повисли в воздухе, затем начали медленно оседать. Теперь не только брови, но и усы, и густая шевелюра оказались припорошены опилками, словно снегом.

– Может, морем и в другую страну? – чихнув и помахав рукой перед лицом, чтобы разогнать пыль, предположила жена.

Проморгавшись, женщина подслеповато прищурилась и начала вдевать нитку в иголку. Она наконец-то закончила вышивать одну сторону белоснежного савана и принялась за вторую.

Богатей с верхнего города, уже больше полугода безуспешно разыскивающий пропавшую жену, решил все же устроить символические похороны. На днях он сделал гробовщику поистине королевский заказ – украшенный затейливой резьбой и вензелями гроб из редкого каменного дуба, отличавшегося прочностью и долговечностью. В таких гробах хоронили исключительно членов самых знатных семей, уж больно дорогой была древесина. Заказал еще и саван, расшитый золотой и серебряной нитью. В него вдовец приказал завернуть букеты цветов, чтобы заполнить гроб.

Подумав об этом, Берта поежилась.

Хоронить пустой гроб... И врагу такого не пожелаешь.

– Каким морем? – фыркнул Томас. – Корабли к нам дорогу забыли. А наши все уже давно на кладбище. Море не любит разгильдяйства, не прощает халатности. А разве Хэйвард когда-нибудь ремонтировал корабли? Конечно, нет. У него и медного вольдена не выпросишь. Вот и отправлялись торговцы на прохудившихся суднах, да так и упокоились вместе с ними.

– А лодки? У рыбаков же есть лодки.

– Не смей меня! Те лодки уж давно протекли. Не судна, а решето. А денег подлатать их нет. Люди уже давно не видели денег.

Сказав, он снова испугался и в который раз за день покрылся холодным потом. Ведь в доме под половицами спрятан кошель с серебряными вольденами – плата богатея за похороны. А времена нынче такие. Как только у кого-то забренчит монета в карманах, так всё – жди воров.

«Надо спрятать получше», – мелькнула трусливая мысль.

За один вольден могут покалечить, а уж за целый кошель того и гляди ножом ткнут или, еще хуже, забьют насмерть.

А кому потом его хоронить? Томас последний гробовщик в Ходвиле, остальные давно разорились.

Ведь работы не было совсем. Тела умерших странным образом пропадали из городского морга. И не только тела.

Живые люди пропадали. И ни одного еще не нашли. Ни одного. Словно они и не существовали вовсе. Полицейские и гвардейцы короля с ног сбились в поисках улик. Лучшие ищейки рыскали по городу, проникая в самые злачные места. И все напрасно. Ни тела, ни следа.

Фермеры и рабочие с каменоломен, когда-то подавшиеся в город в поисках лучшей жизни, начали в страхе уезжать, вновь бросая те крохи, что удалось нажить нелегким трудом.

«Уж лучше нищими, но живыми», – думали они и бежали подальше от пугающего Ходвиля.

Следом за ними начали уезжать и горожане. Все больше пустых домов укоризненно смотрели в небо темными окнами-глазницами. Сиротливый скрип калитки со вторящими ему хлопками ставень делали картину еще более печальной.

Город пустел.

Гробовщик тяжело вздохнул и вновь взялся за рубанок. Раздался мерный скрип и тихое шуршание стружки.

Дождавшись ночи, Томас все же вытащил не дающий ему покоя кошель из-под половиц. Затем, крадучись в собственном доме, словно вор, тихонько спустился в ледник, вырытый под домом.

– Бр-р! Ну и холодина! – Зябко поведя плечами, он снял с крючка старую куртку.

Зима в этом году настолько суровая, что в леднике, промерзшем насквозь, можно запросто и самому очокуриться.

Несмотря на середину весны, холода не желали покидать Ходвиль. До сих пор шел снег и стояли лютые морозы. Старожилы недоуменно качали головами. На их памяти даже в холодной Вольденгории такого никогда не бывало. Все чувствовали – грядет что-то страшное. Безумно страшное. Недаром погода на них гневается, испытывает на прочность бурями да снегопадами.

Поджимая заledenевшие пальцы в стоптанных обрезанных валенках, гробовщик, все так же неслышно ступая, подошел к дальнему углу ледника. Сдвинув в сторону короб с салом и строганиной из рыбы, гробовщик вытащил из-за пояса прихваченный топор и начал сноровисто долбить стылую землю.

– Уж лучше закопать, а то кто его знает, – приговаривая себе под нос, Томас упрямо продолжал рыть, с трудом продираясь сквозь ледяное крошево.

Промучившись полчаса, он смог выдолбить небольшую яму размером с ладонь. Приме-рившись, понял, что мешочек входит в нее, и решил, что и так сойдет.

– Конечно, лучше бы поглубже, – вновь забубнил Томас. – Но в этом холоде я уже не чувствую ни рук, ни ног.

И уже положил мешочек, но все же страх победил.

– А черт с ним! Покопаю еще.

Поплевав на ладони, снова ухватился за топор.

Один удар, второй, и вдруг под металлическим лезвием что-то звякнуло.

– Это еще что?

Томас поднес поближе старую лампу и остолбенел. В выдолбленной им яме лежали два изумруда, невыносимо чистые в своей прозрачности и прекрасные. От света лампы они заискрились, засияли, озарив ледяную крошку зеленоватым блеском, да так ярко, что у Томаса заслезились глаза.

Выронив мешочек с вольденами на землю, гробовщик упал на колени и протянул дрожащие руки.

– Вот оно, неслыханное богатство! – возликовал он тут же шикнул на себя.

А вдруг кто услышит?

– Я богат, я богат, я богат, – шепотом радовался он.

В мыслях Томас уже отплывал на лодке подальше от негостеприимной Вольденгории. Мечты успели занести его в жаркие страны, где он восседал на подушках посреди экзотиче-

ских растений, в окружении диковинных павлинов. Красивые наложницы в одних набедренных повязках кормили его фруктами. Да какие там набедренные повязки? На их идеальных телах не должно быть ни единой нитки. Лишь драгоценности. Много драгоценностей и много золота.

Трясущаяся ладонь коснулась камня, и Томас успел почувствовать его прохладную тяжесть, но вдруг вся рука оказалась покрыта слизью. Вязкой, плотной и источающей омерзительную вонь.

– Что за... – сорвалось с губ, и гробовщик исчез, не успев как следует насладиться заветными мечтами.

Исчез и мешочек с вольденами. На ледяной земле остались топор да опрокинутая лампа.

Часть первая

Глава 1

Кристайн, задрав голову, стояла в темном углу тесной камеры. Она смотрела на вентиляционное отверстие, которое уже однажды спасло ей жизнь. Знать о том, что за пределами узкой шахты – свобода, и не иметь возможности воспользоваться выходом было невыносимо. Окно манило, сводило с ума. Крис даже чувствовала, как через него веет вольным воздухом, хотя это вряд ли возможно. Ведь до выхода нужно долго ползти.

Стиснув зубы, она ухватилась руками за выступающие камни. Стены замка недовольно завибрировали, загудели.

Подтянувшись, поставила на нижний выступ правую ногу.

Тонкие сторожевые нити, до этого лежавшие равнодушной серой кучей на полу, тут же покраснели. Обруч, плотно обхватывающий шею, начал нагреваться.

– Чтоб тебя... – Крис оторвала от пола левую ногу.

Нити засветились ярче. Красный цвет начал тускнеть. Его разбавили пронзительные, слепящие золотистые цвета, и нити постепенно стали ярко-оранжевыми.

Крис замерла в ожидании.

Нити натянулись, напружинились, но нехотя поддались.

– Отлично. – Крис поставила левую ногу на выступ и начала шарить руками по стене в поисках новых камней.

Под ногти тут же забились грязь. Ладони привычно защипало от незаживающих ссадин и мелких ран, но Крис не обратила никакого внимания.

– Ну! Давай же! Где ты? Вечно не могу тебя найти, – взмолилась она.

Пальцы наконец-то нащупали еще один торчащий камень. От волнения руки стали мокрыми, и Крис никак не могла ухватиться за него. Не чувствуя боли, она быстро потерла ладонь о шершавую стену, чтобы пыль впитала пот. И вот пальцы вцепились в камень. Крис выпрямилась и снова подняла правую ногу, встав на новый выступ.

Оранжевый цвет нитей стремительно побелел. Стал нестерпимым, режущим глаза. Нити вспыхнули, ярко озарив всю комнату, следом за ними полыхнул и обруч.

Крис тут же спрыгнула на пол и в изнеможении упала на топчан. Из глаз брызнули слезы. Боль была сильной. Болело не столько от прикосновения раскалившегося металла, сколько от

старой, уже более полугода не заживающей раны. Вся нежная кожа на шее под обручем стерта и обожжена от бесконечных попыток растянуть нити.

Отдышавшись, она встала на топчан и, подняв лампу, внимательно посмотрела на следы рук, отчетливо различимые на пыльной стене.

– Сегодня на целых два сантиметра выше, – тут же забыв о боли, обрадовалась она, – скоро! Совсем скоро я увижу друзей, увижу Стэйна...

Еще в первые дни заточения, подслушивая разговоры Илайны и Марлы, которые думали, что она крепко спит, Крис сложила обрывки фраз, полунамеки, рассказы Тайнары, собственные наблюдения в целую картину. Она наконец-то поняла, что узы замка действуют в комнате и не распространяются за ее пределы. Они питаются только теми звуками, что вместе с пленником заключены в пространстве, отгороженном от остального мира тяжелой дубовой дверью. И их невозможно разрушить, замолчав и замерев на месте, чтобы наступила полная тишина. Ведь тишина никогда не бывает абсолютной. Она состоит из звуков, что неразличимы для человеческого слуха.

Но не для магии.

Закрытие питается всем: и шелестом ветра, и скрипом деревянной двери, и шорохом паутины, скользящей в волосатых лапах паука, и даже дыханием пленника. Вот поэтому узы так крепки и надежны.

Но они сложные. Чтобы держать их все время, требуется непоколебимая сила воли и неограниченный запас энергии, поэтому Илайна смогла наложить узы всего лишь на одну комнату. И из-за этого боялась, что Крис сбежит, хотя Марла считала, что уз достаточно.

Ведь нити не даром называются сторожевыми. Они ежесекундно контролируют перемещения пленника. Стоит тому подойти к границе действия закрытия, как нити тут же передают сигнал обручу, плотно обхватывающему шею. И тот начинает действовать. Раскаляется добела и немилосердно жжет кожу, вынуждая пленника отступить и вернуться на место.

Страх Илайны оказался сильнее разума. Ведь Тайнара все же убежала... Напрасно Марла приводила аргументы, что узы разрушились после того, как Тайнара передала перо. Ни одна, даже самая могущественная, магия не может удержать айну в момент перехода в родной мир. Но Илайна, дойдя в переживаниях до настоящей мании, все же посадила у камеры Крис двух глухонемых охранников. Затем приказала врезать в дверь несколько надежных замков, ключи от которых хранились только у нее и Марлы.

Но она ничего не знала о вентиляционном окне, надежно скрытом темнотой, которое однажды уже подарило Крис свободу.

Илайна и не думала приносить в камеру светильники. Вот еще. Пусть Кристайн сидит в вечном полумраке с лампадкой, едва освещающей саму себя.

А света ламп, принесенных с собой, не хватало, чтобы осветить комнату целиком. Темнота хоть и пугалась, но даже не собиралась растворяться. Она уползала под потолок, где рассерженно клубилась в ожидании того, когда же непрошенные гости уйдут и унесут с собой лампы. Что Крис было только на руку. Окно как раз пряталось в самом темном углу под потолком.

И у Крис родился план.

Если главным препятствием является обруч, значит, можно попробовать его обмануть.

Для этого нужно добиться того, чтобы сторожевые нити молчали.

Она заметила, что нити начинают светиться и нагреваться лишь при приближении к любой из четырех стен комнаты. Как бы предупреждают о том, что дальше нельзя. Также отметила их упругость и эластичность. Нити здорово напоминали толстую проволоку.

Крис тут же вспомнила кузнеца на пристани, который нагревал увесистые бруски металла, а затем с помощью клещей и молота вытягивал их в проволоку. Ее он кольцами складывал на заднем дворе, чтобы потом сделать крючки для рыбаков.

Если нити нагреваются так же, как и металл, может, попробовать растянуть их?

И подумала:

«А почему бы и нет?»

С этой минуты начала действовать.

Первые попытки заканчивались полным провалом. Едва Крис упиралась носом в стену, как обруч неизменно обжигал нежную кожу. Нити изо всех сил сопротивлялись, огрызались, тянули назад, но упрямая Крис потихоньку продвигалась дальше, поднимаясь выше по стене. Туда, где перед глазами навязчиво маячил вожденный выход.

Ее настойчивость принесла плоды. Нити стали тоньше и длиннее. За бесконечные шесть с половиной месяцев удалось практически дотянуться до вентиляционного отверстия. Осталось сунуть в узкое окошко голову, как оковы спадут. А там дело за малым: подтянуться, и вперед, к свободе. По крайней мере, Крис надеялась на это. Ведь таким образом она хоть и не целиком, но все же окажется за пределами стен, где не действует заклятие.

Кто сказал, что можно выйти лишь через дверь?

И тут сторожевые нити задрожали, завибрировали.

Крис поняла: кто-то идет.

– Явились, – процедила сквозь зубы, узнав нервный перестук каблуков Илайны и шарканье Марлы. – И соскучиться не дали.

Поспешно уселась на топчан, замоталась в ветхое одеяло и отвернулась.

Щелкнул один замок, второй, третий... дверь распахнулась, впустив немного воздуха. Даже спертый воздух подземелья был куда приятнее застарелой затхлости тесной каморки. Крис не удержалась и сделала глубокий вдох.

– Привет, красавица! – пропел еле слышимый голосок.

«Ага! Сегодня ко мне пожаловала добрая Илайна!»

Ну надо же, уже второй раз подряд! Чудеса!» – усмехнулась про себя Крис, живо вспомнив самозванку в ее обычном состоянии, с лицом, изуродованным злобой и кровавыми буквами с черной каймой.

– Как поживаешь? Не скучаешь? – слова, пропитанные фальшивой лаской и медом, тянулись столь тягуче, что захотелось стукнуть Илайну.

– Как-то не было возможности, – буркнула Крис.

Даже не поворачиваясь, она ясно видела перед собой лицо Илайны с кое-как натянутой на него маской доброты и сердечности. Вот только маска была безнадежно мала. Да и не подходила она к этому лицу. Все норовила соскользнуть и обнажить то, что спрятано под ней.

– Ах, как жаль, – пропела Илайна, – ведь здесь очень одиноко и тоскливо, аж дрожь берет. Ты уже соскучилась по воздуху и морю? Вижу-вижу, что соскучилась. Представь себе – шелест волн, запах соли и свободы, лодки, снующие от берега к берегу, крики торговки, друзья рядом...

Крис против воли снова втянула носом воздух, словно и впрямь надеялась почувствовать давно забытый запах моря. Перед глазами появились лица Стэйна, Лейфа, Агнетты. Но они были какими-то тусклыми, полустертыми, словно на изображение сверху наложили грязную мутную пленку. Крис с ужасом поняла, что начинает забывать лица близких друзей.

– Отдай мне перо, и получишь все то, о чем тоскуешь.

Крис упрямо мотнула головой, прогоняя наваждение, сплетенное вкрадчивым голосом Илайны.

– И не надейтесь, – окончательно расстроившись, выпалила она.

Слезы явно слышались в каждой ноте, словно все буквы разом заплакали, застонали.

– Какой тебе толк от пера? Ведь ты не умеешь им управлять. – Илайна начала терять терпение.

– Лучше иметь перо и не знать, как пользоваться, чем знать, но не иметь, – усмехнулась Крис.

– Ты что? Издеваешься надо мной? – в нарочито добром голосе все равно была слышна злость. – Марла, смотри! Эта соплячка дразнит меня.

– Видимо, думает, что перо дарует бессмертие, – лениво обронила Марла, которой до смерти надоели все эти игры в кошки-мышки.

За полгода они перебрали сотни вариантов, как забрать перо, но ни один из них им не подходил. Это злило Марлу еще больше, чем Илайну, потому что у ее подопечной была всего одна забота – Кристайн, тогда как у Марлы две – Кристайн и Илайна. Даже три. Толстяка Хэйварда рано сбрасывать со счетов. Очень рано.

Илайна, занятая мыслями о пере, не обращала на короля никакого внимания.

А зря.

Тот все больше вникал в государственные дела, даже сменил часть слуг, пока Илайна металась по подземелью, пытаясь забрать себе всю энергию Мортуса и получить небывалую мощь. Но у нее ничего не складывалось. Мортус бунтовал. Требовал еды. Он стал таким ненасытным, что Марла старалась найти любой предлог, лишь бы не спускаться к нему в подземелье. Кто знает, может оголодавший Мортус не побрезгует и ее старыми изношенными косточками.

Из-за Мортуса Илайна потеряла покой. Марла подозревала, что подопечная его боится. Поэтому ей было не до короля.

Хэйвард тем временем наотрез отказался есть любую еду без личного дегустатора. Он даже отвернулся от любимого шоколада с корицей и прочих сладостей. И вообще не подпускал к себе ни Марлу, ни близнецов Бескровиль.

И кто знает, чем все это обернется...

Но Илайна, как всегда, никого не слушала, поступая по-своему.

Пока Марла предавалась любимому делу – с упоением жалела себя, Илайна все же разозлилась.

– Ты что? Решила, что неуязвима? – завопила она.

Маска добродушия не выдержала, затрещала и разлетелась в клочья. Широкую улыбку сменили злобно поджатые губы, подбородок задрожал от негодования, а ноздри раздулись в тщетной попытке набрать побольше воздуха и успокоиться.

Успокоиться не получилось. Бешенство все больше захватывало ее. Не выдержав, Илайна кинулась к топчану и резко дернула одеяло. Кристайн вскочила, обеими руками придерживая старую рваную рубашку, так и норовящую свалиться с плеч. В прорехах блеснуло перо.

В глазах самозванки зажегся ответный блеск, полный жадности и неприкрытого вожделения. Кое-как взяв себя в руки, она отбросила в сторону одеяло и сделала несколько глубоких вдохов. Маска доброй тетушки с трудом вернулась на лицо.

Лжекоролева снова проворковала:

– Подумай хорошо, от скольких бы ты избавилась проблем! Отдала перо и свободна.

– Как-нибудь обойдусь. – Кристайн торопливо повернулась к Илайне другим боком.

Несмотря на широченную улыбку, от которой даже у Крис невольно заныли мышцы лица, в глазах Илайны горело дикое желание. Нужно держаться от нее подальше. А то сумасшедшая тетка не выдержит и, чего доброго, выцарапает перо вместе с кожей.

– А это что у тебя? – Марла сощурила выцветшие глаза. – На шее?

Крис исподлобья кинула злой взгляд и промолчала, подтянув ворот рубашки повыше, чтобы закрыть обруч.

Марла подошла поближе.

– А ну убери руки! Живо! Дай я взгляну!

Крис попятилась, еще сильнее запахнув ворот.

– Что там, Марла? – Илайна наконец-то оторвала взгляд от сияния пера.

– Сдается мне, наша пленница пытается сбежать. – Худая, искривленная временем рука схватилась за полы рубашки.

Затрещала ветхая ткань.

Крис дернулась.

– Вы хотите оставить меня совсем без одежды? – выкрикнула она. – Отпустите, пока окончательно не порвали.

Илайна подняла повыше лампу и уставилась на Крис, продолжавшую вжимать шею в плечи.

– Ты смотри, – то ли восхитилась, то ли удивилась она. – И эта туда же. Вся в мать. Тоже нравится издеваться над собой. Куда ж ты собралась, дрянь? – неожиданно рывкнула Илайна и замахнулась.

Крис вздрогнула и подняла руки, чтобы прикрыть голову. Она вся сжалась в ожидании удара. Вместо этого услышала очередной треск. Это Марла, пользуясь тем, что Крис отвлеклась, снова вцепилась скрюченными пальцами в рубашку и изо всей силы дернула. Ткань и без того изодранной вещи не выдержала. Крис возмущенно вскрикнула. Руки взметнулись, чтобы прикрыть шею, но тут же опустились, закрывая обнаженную грудь. Краска стыда и смущения растеклась по коже.

Марла и ее подопечная уставились на уродливую, всю в буграх и ожоговых волдырях, рану.

Илайна схватила сторожевые нити замка и, обмотав их вокруг руки, подтащила Крис к себе. Задышавшись от злости, она прошипела той прямо в лицо, выплевывая каждое слово по отдельности:

– В двери куча замков! За ней два охранника! Этажом выше еще четыре. На каждом входе-выходе гвардейцы! Окна забраны решетками! На твоей шее самые прочные оковы! Тебе не выйти отсюда! Никогда! Запомни! Если только сможешь просочиться в щель, – и зловеще прошипела, как рассерженная кошка, – но ты не сможешь!

Марла, словно приняв на веру слова Илайны о том, что Крис может уменьшиться и действительно выбраться из камеры через щель, начала обеспокоенно шарить взглядом по стенам, проверяя их прочность и неприступность.

Крис в страхе сжалась. Если Марла поднимет лампу повыше, то увидит вентиляционное окошко.

Но не это самое страшное. Окошко было маленьким, с неровными зазубренными краями, на первый взгляд сложно поверить, что через него может пролезть человек. А вот в нескольких сантиметрах от окна на пыльной стене по-прежнему «красовались» отчетливые следы рук Крис. Если Марла их увидит, то сразу все поймет.

Что же делать?

Крис закусила губу и, взявшись за обруч, с силой дернула его. Стены замка протестующе загудели. Пол и потолок начали ходить ходуном. Штукатурка припорошила волосы, сделав их седыми, а глаза, рот и нос мгновенно забились пылью. Старый замок пришел в ярость от такой наглости. Сторожевые нити и обруч вспыхнули ослепляющим светом. Даже глаза заболели.

– Ах ты ж! – Илайна охнула от сильнейшей боли.

Нити выпали из ее рук и с глухим стуком упали на пол.

Яркий свет погас.

Но рано расслабляться. Нити свернулись тугими кольцами, словно змеи, готовые к прыжку. Остывая, они даже зашипели, как будто предупреждали:

«Не смейте повторять подобное!»

– Дрянь, – взывала Илайна, отчаянно дую на обожженные руки.

Вытянув перед собой ладони, она с ужасом посмотрела на ожоги. Кожа начала отслаиваться, вздуваться пузырями.

Да и сами руки выглядели так, как будто Илайна опустила их по запястья в кипяток. Ужасающего вида краснота начала подниматься выше.

– Марла! – завизжала она.

– Иду-иду! – Марле хватило беглого взгляда, чтобы понять: все серьезно. – Нужно скорее в монастырь к лекарям, – запричитала она. – У них есть мази, способные заживить такие ожоги. Поехали! Ну! Быстрее!

– Ненавижу, – разъяренно прошипела Илайна.

Бросив на Крис взгляд, полный неприкрытого обещания жестокой мести, она быстро вышла из камеры, не забыв проследить, чтобы охранники тщательно заперли все замки.

Глава 2

Ожоги, перемотанные бинтами, ужасно болели. Кроме того, мазь, которой монахини не пожалели, густо обмазав руки по самые локти, нестерпимо воняла. Так резко, что у Илайны выступили слезы. Не только от боли, но и от унижения.

Чтобы она, королева Вольденгории, словно какая-то простолюдинка, лечилась смердящей мазью, которая, судя по удушающему «аромату», состояла из куриного помета, гусиного жира и рыбьих потрохов?

Это бесчеловечно! Несправедливо! Неслыханно!

Илайна посмотрела на себя в зеркало и недовольно поморщилась, увидев закипающие в уголках глаз слезы.

– Илайна! Мне сказали, что ты ранена. Как это произошло?

Дверь распахнулась, и в спальню вошел король.

Илайна оторопела от неожиданности.

Она стала жертвой галлюцинации?

Ведь видеть короля в своей спальне поразительно. Королевские покои находятся на третьем этаже замка, а король последние лет семь не поднимался выше первого. Простой подъем по ступеням трона давался ему нелегко, что уж говорить о величественных старинных лестницах, сложенных из отполированных камней. Из-за этого спальню короля организовали в огромной библиотеке, славящейся высокими потолками, в углах которых терялись даже тени, и широкими окнами, занимающими всю стену. Несмотря на гигантские окна, света все равно не хватало, и в библиотеке царил загадочный полумрак, приводящий в трепет молоденьких горничных, воображающих разных чудищ, живущих за стеллажами. Библиотека являлась гордостью короля Вальгарда, а затем и Альвисса. Они потратили немало лет, чтобы собрать ценную коллекцию книг.

Илайна тогда получила ни с чем не сравнимое удовольствие, когда отдавала распоряжение вынести весь этот, как она считала, старинный хлам прочь из замка. Древние фолианты, толстенные энциклопедии, научные альманахи, художественные произведения знаменитых авторов небрежно распихали по мешкам. Ленивые слуги, распоясавшиеся без должного присмотра, не стали долго думать, куда их деть, и сбросили в ту самую мусорную кучу за замком, что образовалась на месте бывшего цветника, уничтоженного Илайной с немалым наслаждением.

– Может, вызвать королевского доктора? – между тем продолжил Хэйвард и уверенным шагом подошел к зеркалу.

Илайна, не оборачиваясь, вытаращилась на него, забыв о боли в руках и пострадавшем самолюбии.

«Это еще что такое? Точно галлюцинации. Наверное, вонь от мази, разъедающая глаза, расплавила и мозг», – пролетело в голове.

И было из-за чего засомневаться в собственном рассудке.

Хэйвард похудел.

На килограммов семьдесят точно. И даже больше. Конечно, он все еще был крупным, но не толстым. Лицо стало более мужественным, на нем появились нос, глаза, даже подбородок вырвался из плена жировых складок. Покатые женоподобные плечи, толстые руки в младенческих перетяжках, огромный живот, круглые, лоснящиеся щеки остались в прошлом. Вместе с ними исчез жировой горб, заставлявший сутулиться, а шея, наоборот, появилась. Королевский камзол подчеркивал новую фигуру, придавая ей еще больше мужественности. Хэйвард вытянулся и словно стал выше ростом. Или он и правда вырос?

Изменился и голос. Пропали плаксивые нотки, режущая ухо визгливость и неторопливая многословность с проглатыванием окончаний, а то и половины слова, что безумно раздражало Илайну.

«Да быть такого не может! Скорее всего, зеркало исказило силуэт».

Илайна быстро повернулась.

Нет. Дело не в зеркале. Король действительно изменился до неузнаваемости. Но как? Сколько Илайна не видела короля? Месяц, а может, два. За это время невозможно так преобразиться.

Лжекоролева задумалась и поняла, что не видела короля давно. Ну разве что мельком на заседании совета двенадцати, откуда старалась побыстрее улизнуть. Все мысли занимало перо. Какое ей дело до проблем государства? Самое важное – отнять у Кристайн перо! Вожаденное перо! Жизненно необходимое.

На лице появилось отстраненное выражение. Илайна снова погрузилась в невеселые мысли, успев позабыть об удивлении и короле.

– Ну что? Мне отдать приказ?

Хэйвард бережно взял руки Илайны в свои. Аромат мужского парфюма, терпкого, с пикантными нотками можжевельника и еще чего-то богатого, окутал Илайну с головы до ног. Она снова очнулась и невольно скосила глаза на грудь короля, стоявшего слишком близко.

«Боже мой! На груди теперь есть мышцы, – пронеслось в голове. – Куда же исчезла огромная, почти женская грудь, которая была больше, чем моя?»

Она тут же вспомнила, как они с Марлой отводили душу, высмеивая женоподобные формы растолстевшего короля.

– Кто посмел такое сделать? – Хэйвард поднес ладо ни к губам и поцеловал кончики торчащих из бинтов пальцев и даже не поморщился от ароматов мази.

Илайна от неожиданности смутилась.

От короля, которого она знала столько лет, не осталось ничего, кроме нескольких килограммов лишнего веса. Теперь Хэйвард так сильно походил на Альвисса, что ей стало не по себе. Те же черты лица, те же манеры, та же уверенность и невероятное мужское обаяние, сводившее девушек с ума. Все женское население Вольденгории, от совсем юных до дам почтенного возраста, боготворило Альвисса. И вот он стоит перед ней, точнее, его почти полная копия. Илайна смущенно глотнула, пытаясь хоть как-то справиться с пересохшим ртом. Дыхание отчего-то стало прерывистым, а мысли перепутались. Альвисс всегда нравился ей. Безумно нравился. Настолько, что она хотела увести мужа у собственной сестры.

Но он ее отверг.

Эта мысль на пару секунд отрезвила Илайну. Но аромат одеколона Хэйварда вместе с запахом его кожи снова затуманил разум...

– Это я сама... – промямлила она. – Нечаянно. Схватила за кувшин с горячей водой.

– Осторожней надо, – покровительственным тоном обронил король. – Береги себя. Это кощунственно, столь легкомысленно относиться к себе. Я все же пришлю доктора. Пусть сделает все, чтобы шрамы не изуродовали твою красоту. Они украшают только мужчин.

Еще раз поцеловав пальцы, он бережно отпустил ладони и, погладив Илайну по щеке, быстро вышел.

Та в изнеможении упала на диван.

– Марла! – Прошло минут тридцать, прежде чем Илайна начала осознавать произошедшее.

– Марла! – еще громче завопила она.

– Чего раскричалась? – Марла, недовольная тем, что ее оторвали от ужина и графинчика с крепким вином, торопливо вошла в комнату, утирая рукавом жирные губы.

– Как ты допустила такое? – Глаза Илайны оказались близки к тому, чтобы покинуть отведенное природой место.

– Что? – Марла на всякий случай отступила на шаг назад, чувствуя, как в желудке трусливо заворочалась жирная отбивная, которую она с таким трудом прожевала, давась и роняя голодную слюну на стол.

– Ты! – Илайна все пыталась прийти в себя, но ничего не получалось.

Шок и растерянность сбили дыхание. Она никак не могла выкрикнуть скопившееся возмущение. Не хватало слов. Словно они все исчезли.

– Ты! Ты видела Хэйварда? Это вообще что такое?

– А что с ним? – В выцветших глазах появилось подобие любопытства.

Впрочем, оно тут же исчезло. Брошенные в соседней комнате еда и вино интересовали Марлу куда больше.

Но делать нечего. Судя по вытянувшемуся лицу подопечной, это надолго. Марла приготовилась выслушать очередную истерическую тираду, вздыхая от осознания того, что ужин неизбежно остынет, а нежнейшая отбивная превратится в подошву.

– Он похудел! – взвизгнула Илайна.

К ней наконец-то частично вернулась способность четко формулировать мысли.

– Конечно, похудел. Король больше не пьет шоколад, не ест сладости, которыми я его пичкала. Он вообще не подпускает меня к себе.

– Что?

– Не надо на меня таращиться, – крепкое вино дало о себе знать, и Марла осмелела.

Илайна и правда вытаращилась на Марлу так, словно только что увидела привидение.

– Я тебе сотни раз говорила об этом. У меня уже давно нет доступа к королю. Он остался лишь у тебя. А значит, его вес и разум теперь в твоих руках. Но разве тебе это интересно? – Марла пренебрежительно фыркнула. – У тебя ж в голове одно перо. И больше ничего. Пустота. – И даже постучала по глиняной вазе, стоявшей на подставке.

Та возмущенно отозвалась гулким звоном.

Так Марла продемонстрировала, насколько пусто в голове у Илайны. Но и этого ей было мало.

– Совсем ни-че-го, – едко добавила она.

Неприкрытая ирония прозвучала настолько явно, что сама Марла внутренне охнула, готовясь к головомойке.

– Что значит в моих руках? – несмотря на злость, Илайна все же проглотила слова старухи.

Ведь они настолько справедливы, что возразить нечего.

– Пустой вопрос, – пожала плечами Марла.

Видя растерянность на лице подопечной в сочетании с разливающейся досадой и осознанием вины, старая няня совсем расхрабрилась и не собиралась больше ничего отвечать.

Пожевав нижнюю губу, она уставилась в окно.

«Скука смертная», – подумала она.

Илайна сначала набрала полные легкие воздуха. Она приготовилась разразиться гневной речью, высказать Марле все, что думает, и неожиданно поняла, что у нее нет на это ни сил, ни желания. Она действительно упустила Хэйварда. И не получила перо.

Снова сев на кровать, Илайна обхватила себя руками и начала раскачиваться. Жалость к себе затопила полностью. Никто ей не помогает. Никому она не нужна. Все ее бросили и отказались от нее.

– Берегитесь! Берегитесь все! Я знаю, что я с вами сделаю. Мортус мне поможет. И этот лишится разума, и эта тоже.

Глаза загорелись от пришедшей в голову идеи. Правда, тут же погасли.

«Мортус непредсказуем, кто знает, к чему приведет эта затея? Хотя... Была не была. В первый же раз сработало, значит, сработает и сейчас».

Подскочив, она схватила шкатулку с двумя изумрудами на крышке.

– За мной, – скомандовала Илайна.

Марла совсем скривилась. Пропал ее ужин вместе с вином и хорошим настроением. Опять нужно тащиться в ужасное подземелье за сумасбродной подопечной.

И что же ей пришло в голову?

Перехватив поудобнее трость, Марла тяжело вздохнула и поплелась вслед за Илайной.

* * *

Промучившись весь вечер, Крис в изнеможении упала на топчан. Силы иссякли. Только сознание того, что от нее зависит благополучие целой страны и существование рода айн, заставляло вставать и начинать растягивать непослушные сторожевые нити снова и снова.

– Я айна! Я изреченная! Я рождена для того, чтобы помочь людям обрести счастье, а айнам покой! – повторяла она изо дня в день.

Перо словно вторило ей, освещая комнату теплым светом. Оно искрилось, переливалось, а сияющие завитки, нежно касающиеся шеи, словно пытались облегчить боль от незаживающих ран.

Вот и сегодня, несмотря на разбитость и тошноту, Крис заставила себя встать. Но первый же шаг дался с трудом. Шея болела ужасно. Боль охватила все тело. Этот ожог оказался сильнее прежних. Ведь раньше Крис заканчивала все попытки, стоило обручу начать светиться. А сегодня, изо всей силы дернув его, Крис разозлила узы замка. Да так, что они спалили кожу на ладонях самой Илайны – той, которая наложила их. То есть причинили вред создательнице, чего ранее никогда не происходило.

И Крис тоже порядком досталось. Чувствуя, как кожа горит огнем, а любое прикосновение обруча вызывает невыносимое жжение, она доковыляла до стены и уперлась лбом в шершавую поверхность. Сегодня ей не хотелось вспоминать о высшей миссии изреченных. Сегодня Крис еле сдерживала себя от того, чтобы не зареветь в голос от жалости к себе.

– Почему я? Почему именно я должна спасать страну? Я всего лишь хочу домой. В свое укрытие... К Стэйну...

Голос задрожал.

Лицо Стэйна появилось перед ней. Его глаза, полные нежности и томительного обещания. Но вдруг оно резко изменилось. В глазах появился настоящий ужас и... ненависть. Он смотрел на нее, как на прокаженную... Он боялся ее.

Крис заплакала. Открыв глаза, чтобы прогнать воспоминания, она с недоумением уставилась на свечение, исходящее от пера. То самое свечение, которое старательно поддерживало ее все эти долгие месяцы. Оно медленно тускло.

– Что? Не нравится? – огрызнулась Крис.

Слезы тут же высохли. Она разозлилась. Что это такое? Стоило сказать, что на самом деле думает, как перо тут же осудило ее.

– Где твои искры? Мерцание? Чего притихло? А?

В сердцах стукнув кулаком по стене, она зло произнесла:

– Бестолковая магия! Толку нет никакого от этого пера. Хоть бы помогло немного. Только и может упрекать. Смотри-ка – света ему жалко. Броди тут в темноте...

Бормоча себе под нос, Крис резко развернулась и поковыляла обратно на топчан. Улеглась. Накрылась с головой.

– Не буду ничего делать. Устала. Всё! Можешь потухнуть совсем. Я хочу спать.

Перо послушно погасло. Стало совсем темно. Да так, что не видно собственных рук.

Кипя от злости и бессилия, Крис долго ворочалась и наконец-то провалилась в беспокойный сон.

Скрипнула дверь.

– И во сне нет покоя, – проворчала Крис, осторожно переворачиваясь с боку на бок.

Даже сквозь сон она чувствовала боль от ожога и старалась лишний раз не тревожить его.

– Днем – Илайна. Во сне тоже она. Надоела. – Крис положила ладонь под щеку и глубоко задышала.

Илайна ухмыльнулась:

– Пусть думает, что я ей приснилась, – тихонько хмыкнула она. – А что? Мне нравится быть чьим-то кошмаром!

Глава 3

Откинув в сторону одеяло, Илайна приподняла подол рубашки Крис. При этом она недовольно поморщилась, ведь после того, как Марла окончательно дорвала рубашку, Илайне пришлось, скрипя зубами, все же приказать выдать новую. А что-то давать мерзкой родственнице ей вовсе не хотелось. Пусть донашивает свое рваньё. Вот еще...

Обнажив правый бок, лжекоролева уставилась на перо. Руки нетерпеливо потянулись к нему, аж пальцы скрючились.

Ногти хищно блеснули в свете лампы.

Этот блеск и привел Илайну в чувство. Взгляд вновь стал осмысленным, и в нем ярко вспыхнуло злорадное предвкушение. Скорая победа вскружила голову.

Пристроив на колени шкатулку, Илайна осторожно открыла ее и зачерпнула темную липкую субстанцию. На лице появилась довольная улыбка.

– У меня все получится! Обязательно получится. Иначе зачем я прошла через все это? – лихорадочно зашептала она. – В конце концов, мне положена хоть какая-то награда за такие испытания.

Подумав о событиях двухчасовой давности, Илайна почувствовала, как кожа на спине стала липкой, а под мышками и вовсе противно влажной. словно она неопрятная служанка в засаленной одежде, сутки напролет чистящая отхожее место. Чувство собственной неухоженности, грязи и пыли на теле, резкий запах пота, исходящий от нее, мгновенно испортили настроение. Ведь Илайна знала, что было тому причиной. Всепоглощающий неконтролируемый страх. Тот самый, который мешает думать, сосредотачиваться, туманит голову тяжелым одеялом паники, не дает дышать... И знала, кто его вызвал...

Улыбка резко пропала, словно кем-то безжалостно стертая.

– Мортус, – тихо вздохнула Илайна и пугливо оглянулась, словно тот уже стоит за ее спиной.

Слизь в руках тут же откликнулась – задвигалась и издала кровожадный чавкающий звук, прозвучавший в тишине до того жутко, словно жиха вознамерилась проглотить Илайну целиком. Это было настолько неожиданно, что самозванка перепугалась еще больше.

Резко потянуло болотом, гнилью и трупным запахом. От этого воображение разыгралось еще сильнее. Тут же показались щупальца ужаса. Длинные, извивающиеся, непроглядно черные. Они схватили Илайну за горло. Она даже представила когти, намеревающиеся проткнуть кожу насквозь. И паника не заставила себя ждать. Жуткий страх обрушился всей тяжестью на грудь, расплющив ее и выдавив последние крохи воздуха. Илайна начала задыхаться.

Широко открыв глаза – до боли, до онемения мышц, лжекоролева уставилась на перо, снова пытаясь представить его в своей власти. Дышать стало легче. Илайна вздрогнула и повела плечами, прогоняя панику. Усилив воли заставила себя и дальше спокойно держать двигающийся комок слизи в руках, как будто это простая грязь, хотя внутренний голос вопил от страха, умолял:

«Брось! Брось немедленно и беги! Беги подальше отсюда! Тебе не под силу с ним справиться!»

Но Илайна не послушалась. Несмотря на пот, насквозь промочивший платье, скрипучую боль в горле от сильнейшей жажды, высушившей рот, и руки, ставшие ватными, она прогнала назойливый голос из головы. Сосредоточилась и представила себе, что комок слизи в руках – это сердце Мортуса, живое, трепещущее. Недолго думая, крепко сжала его, чтобы показать, кто здесь главный. Слизь заколотилась сильнее. Илайна запустила внутрь ногти, с содроганием чувствуя, как пальцы проваливаются в густую жижу.

И это помогло. Слизь еще немного побунтовала и успокоилась. Но настырные воспоминания о пережитом, которые Илайна хотела бы изгнать из памяти навсегда, все же завладели ею.

Вспомнив о действии слизи Мортуса на разум Кристайн, Илайна решила попробовать еще раз и была уверена в успехе. Но не учла главного.

Мортус уже не то послушное, ластящееся к ней подобие грязевого пятна, надувающего пузыри. Он больше не похож на обычное болото, которое никогда не пугало Илайну, а скорее заволакивало. Надо же, в какой-то луже слизи и грязи есть подобие разума и сокрыта такая мощь, что у его создательницы дух захватывало. Она гордилась творением.

Но за эти годы Мортус ощутимо вырос и занял собой почти все подземелье. Возросло и количество ловушек-лютумов, разбросанных по Ходвилю. Вместе с этим увеличилось количество жертв.

Особенно за последние месяцы. Побывав в теле подполковника Люта Валькеля, Мортус словно взял себе часть его ума, изворотливости и страстное, практически безумное желание командовать. Для этого нужно быть сильнее, а значит, необходимо как можно больше еды.

Теперь Илайне приходилось использовать всю выдержку, чтобы показывать Мортусу свою власть.

С увеличением жертв в десятки раз возросла и его мощь. Энергии стало много, она сшибала с ног, стоило только зайти в подземелье. Мортус клокотал, бурлил, гневался, и Илайне каждый раз казалось, что она вторгается на чужую территорию. Впервые за пару десятков лет тайное убежище стало для нее неудобным и пугающим. Илайна начала бояться, в чем не хотела признаваться никому, и себе в первую очередь.

В изумрудных глазах светился не только голод и слепая привязанность к ней. Илайна могла поклясться, что Мортус изучает ее, внимательно следит за каждым шагом и *понимает*, что она его боится. *И ему это нравится.*

Мортус стал умнее и проницательнее. И возможно, что-то задумал. Уж больно надменным стал его взгляд. Илайна меньше всего хотела идти к нему за помощью. Но выхода нет. Она потеряла всякую надежду на то, что удастся выманить перо у Крис, и поэтому решилась.

Взяв шкатулку и братьев Бескровиль для подстраховки, она спустилась в подземелье.

– Мортус стал еще больше, – благоговейно прошептал Бо.

Или трусливо.

Илайна так и не поняла, чего больше в этом тихом возгласе – затаенного восхищения или все же страха. Да и некогда анализировать. Она сама в ужасе замерла на пороге. За несколько дней, что она не видела Мортуса, тот снова изменился. И действительно стал больше, да настолько, что под ним полностью скрылся люк, прячущий под собой тесную комнатку,

бывшую тюрьму Крис. И не только люк. Мортус заполз и на порог. Теперь некуда ступить, везде липкая клокочущая слизь. Даже на двери.

Стоило петлям заскрипеть, как Мортус заворочался, словно зверь в тесной норе. Илайна невольно отпрянула и чуть не упала на пол, наткнувшись на близнецов, что возвышались прямо за ней.

– А ну-ка, пустите меня, – взвизгнула она и тут же прикусила язык.

Не с того начала. Эх... Совсем не с того.

Разве таким образом заходит хозяйка к питомцу? В первые же секунды пребывания Илайна выдала и неуверенность, и страх. И конечно же, Мортус тут же почувствовал ее эмоции.

Его слизь поднялась капюшоном и словно растянулась в издевательской ухмылке. Он как бы и приветствовал ее, и одновременно скалился, показывая норов.

Приметив шкатулку, которую Илайна поспешно сунула за спину, Мортус задрожал и издал гортанный рев. От громкого вопля сверху посыпалась подсохшая грязь, воняющая тиной. Она обильно припорошила волосы Илайны, вызвала немедленную дурноту и желание убежать как можно скорее, чтобы отмыться.

Мортус подобрался, словно океан перед цунами. Огромная волна слизи откатилась к дальней стене. На ней яростно заблестели изумрудные глаза, потемневшие от гнева. Стена стала выпуклой, из-за чего глаза выдвинулись вперед.

И вдруг Мортус приобрел форму. Огромную форму. Гигантскую. Жуткую. Илайна со страхом уставилась на уродливую массу вздымающейся грязи, покрытой шишками и буграми. Они сочились вязкой зеленоватой жидкостью, издававшей отвратительный запах. Субстанция колыхалась, вибрировала и шумно дышала. Через слой слизи просвечивала целая паутина толстых сосудов, плотно переплетающихся друг с другом. По ним бежала грязная жидкость, по всей видимости кровь. Рядом с образовавшейся грудой слизи засуетились гигантские пауки – неизменные спутники Мортуса. Они торопливо оплетали зверя паутиной, чтобы получившаяся форма вновь не расползлась по подземелью.

И этот зверь смотрел на посетителей в упор. Изумрудные глаза даже не моргали. Они словно ухмылялись и выжидали.

Но ни Илайна, ни близнецы этого не заметили. Их взгляд был прикован к полу. Илайна чуть не закричала, увидев то, что еще недавно скрывалось под слизью. Повидавшие всякое близнецы позеленели, с большим усилием сдерживая рвотные позывы.

Весь пол был усеян останками. Где-то валялись непереваренные кости, укоризненно поблескивая беловато-желтой надкостницей. Они словно обвиняли вошедших, кричали об ужасной смерти, что постигла их обладателей. На костях все еще виделись фрагменты плоти. Где-то лежали расколотые черепа со свернутыми набок нижними челюстями. В их пустых глазницах и изувеченных ртах сквозило отчаяние и безысходность. Рядом с ними громоздились полуразложившиеся части внутренностей. Склизкие петли кишечника, сморщенные легкие...

Одного из близнецов все же стошнило. К трупному запаху добавился кисловатый – рвоты.

Илайна хотела отвернуться, но почему-то не могла. Она тупо смотрела на пол. Глаза произвольно подсчитывали огромное количество искореженных металлических предметов. Пряжки от ремней, выгнутые в обратную сторону или вовсе свернутые в трубку, расплюснутые медные и серебряные браслеты, сломанные, перекрученные лезвия ножей, скомканные оправы очков...

«Это же какая должна быть сила, чтобы так изуродовать металл? – промелькнула трясущаяся от ужаса мысль. – Практически до неузнаваемости».

Но не это оказалось самым ужасным.

Посреди кошмара лежали зубы. Человеческие зубы.

Они усеяли пол, словно первый снег. Отчетливо видимые на темной поверхности. Блестящие. Жуткие. Леденящие душу.

Почему-то зубы больше всего испугали вошедших. Илайна все же попятилась. Вытолкнув близнецов, которые совсем не сопротивлялись, она захлопнула дверь и попыталась перевести дух.

За дверью раздались хлюпающие звуки. Это Мортус глумливо рассмеялся.

– Ну уж нет! – выкрикнула Илайна. – Никто не смеет насмехаться надо мной!

Рывком распахнув дверь, она решительно вошла в комнату. Тряхнув головой, двинулась прямо навстречу изумрудным глазам, приказав себе не реагировать на насмешку, ставшую еще ярче. Помимо нее, в глазах засветилась откровенная издевка и надменное выжидание.

Каждый шаг сопровождал отвратительный хруст. Илайна запретила себе слушать и смотреть под ноги. Но вот пятка неловко подвернулась, и Илайна чуть не упала, наступив на что-то крупное. Не успела сообразить, как уже смотрела на пол в поисках предмета.

Лучше бы она этого не делала.

Причиной почти случившейся травмы стал искусственный глаз, который смотрел на нее с нескрываемой ненавистью. Выполненный с анатомической точностью, вплоть до мелких капилляров и аккуратного рисунка в радужке, он словно явился из чьего-то кошмарного сна.

Закусив до крови губу, Илайна пнула его в сторону. Глаз откатился в угол и, уткнувшись в ошметок слизи, остановился. Ненависти в нем не стало меньше. Даже на расстоянии он прожигал дыру между лопатками Илайны.

– Здравствуй, мой дорогой! – слащавым голосом пропела она, подойдя вплотную к Мортусу. – Грязновато тут у тебя, надо бы прибраться. Дан, Бо, возьмите в коридоре метлы, подметите пол.

– Мы? – хором воскликнули братья, дышавшие Илайне в затылок.

Со стороны могло показаться, что они преданно охраняют ее, на самом же деле братья боялись отойти от королевы хотя бы на миллиметр, справедливо полагая, что Мортус все же не тронет создательницу.

– Вы! И пошевеливайтесь! – жестко ответила Илайна. – У моего Мортуса должна быть чистота и порядок! Да, мой сладкий? – проворковала она и протянула руку, чтобы почесать в том месте, где, по ее предположению, у Мортуса должна быть шея.

Мортусу ласка понравилась. Он мотнул громадной бесформенной головой, поворачивая ее то в одну, то в другую сторону.

Близнецы уныло вышли из подземелья, оставив Илайну одну. Они медленно побрели по коридору вверх – туда, где у слуг хранился уборочный инвентарь для сада. Пройдя через камеру Крис, даже с завистью взглянули на двух охранников, вскочивших при их виде. Им-то не нужно проходить через все эти ужасы. Из-за глухоты они не слышат ни чавканья, ни хохота, ни воплей Мортуса. В отличие от Крис. Та, поди, трясется от ужаса.

Подумав об этом, близнецы приободрились. Девчонке явно страшнее, чем им.

Поднявшись на пару пролетов, взяли метлы, лопаты, мешки и торопливо пошли обратно. Королева не простит им задержки.

Войдя в подземелье, братья опять замерли.

К такому они были не готовы.

Илайна, встав на цыпочки, целовала Мортуса куда-то пониже огромных глаз.

Теперь стошнило обоих. Рвота вывернула желудки близнецов наизнанку, заставив корчиться в судорогах.

– В чем дело? – Илайна как ни в чем не бывало вытерла слизь с губ и надменно посмотрела на них. – Быстро за уборку. Добавили тут свинства.

Кое-как затолкав обратно жалкие крохи рвущегося наружу сытного ужина, братья синхронно кивнули и, повернувшись к королеве спиной, начали сгребать останки.

Илайна тем временем открыла шкатулку. Мортус протестующе заурчал.

– Ну что ты? – вкрадчиво проговорила она. – Неужели тебе жаль небольшой части себя? Посмотри, какой ты гигантский, мощный, величественный. Для тебя это сушная ерунда, а мне она поможет.

Мортус смолк.

Илайна зачерпнула большую порцию слизи и шмякнула ее в шкатулку. Потом еще и еще. Надо набрать с запасом. Больше Илайна проходить через это не хочет. Да и не нужно. Перо скоро будет в ее руках.

Думая об этом, Илайна, все так же крепко сжимая слизь в правой руке, левой отделила небольшую часть и начала аккуратно размазывать зловонную жижу по рисунку.

Перо попыталось засветиться, но рука Илайны уже шлепнула новую порцию, чтобы та покрыла весь рисунок до самого миниатюрного завитка.

Слизь начала пузыриться. Чем больше Илайна размазывала ее, тем меньше слизи оставалось. Она впитывалась в кожу через рисунок, заполняя собой все изгибы и завитки пера. Через несколько минут слизь исчезла.

– И на всякий случай.

Очередная порция слизи переключалась на лоб Кристайн.

– Я знаю, что Мортус мне поможет. Слизь снова сделает тебя неслышащей. Она сделает все, что я скажу. Я представляю это зрелище. Неслышащая с самым могущественным в мире даром. Ха-ха-ха! Айны умрут от разочарования, – прошептала Илайна и, сдержав желание злорадно хихикнуть, как ребенок, сделавший пакость, тихонько закрыла крышку и вышла.

– Да что ж так жжет-то, – сквозь сон прошептала Крис, потирая рукой бок.

Уставшая, но довольная Илайна тихонько скользила по коридорам сонного замка. Добравшись до двери спальни короля, она остановилась. Тень брезгливости пробежала по ее лицу. Усилив воли королева прогнала изображение толстого Хэйварда из мыслей и попыталась нарисовать новый портрет изменившегося короля, которого увидела утром.

Получилось так себе.

Пока Хэйвард прочно ассоциировался с куском дрожащего желе, жирной бараниной, салом, плавающим в деревенском супе, колбасой, перетянутой нитками, и огромными тортами, покрытыми килограммами крема. То есть с чем угодно, но только не с мужчиной.

Подумав об этом, Илайна глубоко вздохнула.

– Когда же этот день закончится, – пробормотала она. Вызвав перед мысленным взором перо, красующееся на ее идеальной коже, она прогнала волну омерзения и открыла дверь.

– Хэйвард, дорогой, а ты почему не спишь? – промурлыкала Илайна, натянув на лицо соблазнительную улыбку, полную ласки и томительного обещания.

Глава 4

Лют чувствовал себя плохо.

«Плохо – не то слово, – мысленно одернул себя. – Скверно! Дурно! Отвратительно! Непонятно! Страшно!»

Со вчерашнего вечера ему не давало покоя сердце. Оно ныло, заставляя безостановочно тереть левую грудь рукой.

Найденные в запасах покойной жены сердечные капли не помогали. Боль усиливалась. И она была странной – эта боль. Необъяснимой. Беспричинной. И неправильной.

Валькель привык считать себя абсолютно здоровым, в отличие от жены, которую утащила на тот свет банальная простуда. Подполковник же никогда не болел, чем гордился. А тут сердце! До этого момента он и не задумывался, где оно находится. И тем более не знал, как оно болит. Но был уверен, что точно не так.

Его бросало то в жар, то в холод, затем грудь распирало от невыносимой тоски, после чего накатывала такая ярость, что сердце ухало и замирало в ожидании, когда волна гнева спадет. В такие моменты Люту хотелось рвать, крушить и... убивать. Вцепившись руками в дубовую столешницу, он отчаянно моргал, чтобы соленый пот не разъедал и без того уже воспаленные глаза. И терпел. Ждал, когда приступ пройдет.

Ярость откатывалась в сторону, на ее место снова приходила тоска. Или не тоска? Осознание чего-то потерянного, невозвратного мучило и заставляло сердце пускаться в тревожный пляс. Оно колотилось о грудную клетку, словно хотело вырваться на свободу, скрыться навсегда. Горячий пот мгновенно высыхал, оставляя на коже липкую пленку, и начинался озноб. Колотило так, что подполковник несколько раз прикусил язык. До крови. Соленая, с привкусом металла кровь заполняла рот, вызывая дурноту, отчего становилось еще хуже. Лют сплевывал в уже изрядно промокший платок и падал в кресло, судорожно натягивая на себя одеяло. Но ни оно, ни теплые носки, ни спешно заваренный крепкий обжигающий чай не могли прогнать лед из груди. Лед из тела. Кожа начинала синеть, и подполковник с остервенением растирал тело руками. Он хорошо помнил, какой становится кожа у мертвецов. Так вот, его оказалась близка по цвету. Несмотря на все усилия, на ногах и руках появлялись серовато-грязные пятна, похожие на трупные, которые с устрашающей скоростью полз ли по телу. Но не успевал Лют как следует испугаться, как тело охватывал жар, и все начиналось заново.

На массивной столешнице появились глубокие вмятины от рук. Словно не человек сжимал ее, а огромный зверь, обладающий немислимой силой. Увидев это, Лют едва не потерял сознание. И к боли добавился всепоглощающий страх. Он растерянно посмотрел на руки,

короткие, обгрызенные до мяса ногти, кожу вокруг них, покрытую содранными заусеницами, крепкие пальцы. В них нет ничего звериного. Но откуда такая силища?

И тут налетал новый приступ. Подполковник забывал обо всем, снова и снова вжимая скрюченные судорогой пальцы в ставшее таким податливым дерево.

К рассвету стало немного легче. Лют поковылял в ванную, где начал плескать на себя воду прямо из ведра, даже не подогрев ее. Холодная вода привела в чувство. Смыв пот и опрокинув пару ковшей на голову, Лют вообще почувствовал себя здоровым. Боли как не бывало. Шумно отфыркиваясь от воды, что текла по роскошным усам, он механически посмотрел на себя в зеркало и остолбенел.

На груди алели царапины, когда-то оставленные рукой Илайны. Они уже давно зажили, лишь небольшие тонкие ниточки шрамов наискосок перерезали грудь, и все, больше ничего не напоминало о том унижении, что Лют испытал в тронном зале. Сейчас же шрамы набухли, набряк ли кровью. Или не кровью? Она почему-то была чернее ночи, а вокруг шрамов появились ярко-алые линии, с анатомической точностью обрисовав их.

– Это еще что такое? – выкрикнул подполковник.

Указательным пальцем осторожно дотронулся до черной крови.

Она неожиданно отреагировала на прикосновение, затряслась, завибрировала, как будто густой студень.

Ни капли не пролилось наружу. Темная субстанция волновалась, словно под плотной пленкой.

Лют попытался промокнуть рану, трясущимися руками схватив полотенце, но оно осталось чистым и сухим.

Заметавшись по ванной комнате, он схватил аптечку. Вытряхнул кусок марли, пузырек со спиртом, какие-то таблетки и маникюрные ножницы.

Несколько минут тупо смотрел на предметы, лежавшие перед ним, и никак не мог понять, что ему делать дальше. Повертел таблетки в руках, отбросил их в сторону, затем схватил ножницы.

Ножницы!

Они могут помочь.

Открутив крышку у пузырька со спиртом, щедро полил ножницы. Затем подумал и вылил остатки в стакан. Торопливо добавив воды, опрокинул содержимое внутрь и поморщился от крепости. Занюхав собственным кулаком, решительно взял ножницы и, прижав марлю к животу, ткнул ими прямо в черную субстанцию.

– А-а-а! – отчаянный вопль разорвал предрассветную тишину.

Черная вязкая слизь хлынула наружу, по пути разъедая кожу. Ее оказалось невероятно много. Густыми ошметками она падала на пол, издавая отвратительные звуки.

Чавк!

Слизь собралась на полу в единую пузырящуюся лужу. Через секунду в ней появились два огромных изумруда. Чистых, как морская вода, искрящихся, словно темная ванная была пронизана лучами солнца. От них даже стало светлее.

Двумя руками прижимая марлю к обожженной груди, подполковник тупо уставился на изумруды.

– Нет! Меня вы не заманите! – пробормотал он и боком вывалился из ванной, тщательно закрыв за собой дверь.

Дойдя до комнаты, подошел к зеркалу, приделанному к дверце платяного шкафа. Несколько минут постоял, собираясь с духом, затем осторожно потянул за марлю, которая успела прилипнуть к груди.

– Чтоб тебя... – грязно выругался он.

Темная липкая субстанция никуда не делась. Она по-прежнему заполняла раны, оставленные Илайной, а вокруг них все так же зловеще краснела алая кайма. Вот только, помимо ран, кожу покрыли ожоги. Уродливые волдыри с багровыми краями. И внутри них болталась та же черная слизь.

Побледнев, подполковник попятился в сторону и снова упал в кресло, измятое от его ночных метаний. Оно тоскливо заскрипело, передав все то, что творилось в душе хозяина.

Промаявшись целый час от неясных переживаний, Лют встал. Кроме пугающего вида, раны никак не заявляли о себе. Он чувствовал себя здоровым и к тому же полным сил. Понимая, что вот-вот сойдет с ума от беспокойства, быстро оделся, опасливо косясь на дверь ванной, и вышел из дома. Немного постояв на пороге, решил пойти на работу. Там много дел. Они отвлекут от пугающих мыслей.

Всю дорогу подполковник осторожно прикасался к груди и посматривал на рубашку, не проявились ли пятна.

Все чисто.

Хмыкнув, быстро прошел через охранный пункт, даже не заметив, как дежурный вытянулся при его виде, намереваясь поприветствовать и доложить обстановку.

И это казалось странным. Обычно подполковник любил слушать утренние доклады о том, что на вверенных ему участках все спокойно. Это льстило самолюбию и вызывало гордость.

Но сегодня дежурный остался стоять с открытым ртом.

Свернув в коридор, Лют заметил черную сутану настоятельницы монастыря.

– Только тебя не хватало, – выругался он и собрался повернуть назад, но не успел.

– Господин Валькель, – фальшиво доброжелательно протянула Фрида. – Доброе утро!

– Вам того же пожелать не могу, – буркнул в ответ подполковник. – Неужели вы ко мне?

– Конечно! – ответила Фрида, неподдельно удивившаяся его вопросу.

Можно подумать, она бы пришла к кому-то другому. Ведь в этом здании подполковник был самым старшим по званию, к тому же начальником. Стала бы госпожа настоятельница размениваться на всякие мелкие должности, не стоящие и капли ее внимания.

– Чем обязан?

Лют рывком открыл дверь кабинета, испытывая непреодолимое желание захлопнуть ее прямо перед крючковатым носом настоятельницы.

– Как чем? – вновь удивилась Фрида. – Я все по тому же вопросу. Когда мы получим нашу награду за поимку девчонки?

На лице промелькнула плохо скрываемая жажда наживы. Настоятельница почему-то показалась Люту похожей на жирную навозную муху, сидящую на отходах и потирающую лапками.

Ему стало противно.

Знал бы он, что в этот момент думала о нем настоятельница...

Ей было так же противно, как и ему, а может, даже больше. К неприятному чувству омерзения добавлялось еще и негодование вперемешку с обидой на судьбу. Ведь она – настоятельница королевского монастыря. Нет ни одного человека во всей столице, кто бы не знал ее. Фриду Сондбер боялись не только послушницы и монахини, но и весь гарнизон, охраняющий бедняков лазарета. Каждый раз при ее виде солдаты вытягивались в струнку и с подобострастием приветствовали. Фрида знала, про нее давно ходили слухи, что она может одним лишь взглядом вызвать у провинившегося нервную сыпь пополам с икотой, и не препятствовала им. Пусть боятся. Слухи обрастали излишними подробностями, и люди предпочитали лишний раз не сталкиваться с настоятельницей, считая ее настоящей ведьмой.

И вот она вынуждена обращаться за помощью к подполковнику. Презираемому ею человеку, который своей нелюдимостью, недружелюбным взглядом и отвратительным характером больше похож на гигантскую крысу, жадно защищающую свалку. Но ради высшей цели нужно

потерпеть. Еще немного, и Фрида будет жить в другой стране. По крайней мере, она все делает для этого.

– Награду?

Перед глазами подполковника тут же появилась королева с испещренным кровавыми шрамами лицом и Мортус, норовящий высосать внутренности вместе с душой. Паника всколыхнулась в его душе.

– Какая награда? Ты ополоумела? – Едва усевшись в начальственное кресло, он вскочил, настолько резко, что кресло откатилось к стене и со всей силы врезалось в нее.

Стоявшая на полке ваза закачалась. Фрида равнодушно смотрела на нее. Секунда, другая... ваза рухнула на пол и разлетелась на мелкие осколки, издав при этом обиженный звук бьющегося стекла. Тонкий, ломкий, пронзающий уши.

– Не надо на меня орать. – Фрида тоже встала.

Смотреть на подполковника снизу вверх ей совсем не хотелось. А так, стоя, они были практически на равных.

– Ты сам вызвался! Я тебя не заставляла. И даже предлагала сходить за наградой вместо тебя. Но ты воспротивился и оказался таким же тюфяком, что и твой Плешак! – она выплюнула оскорбления слишком быстро, и неповоротливый мозг подполковника, еще не пришедший в себя после тяжелой ночи, никак не мог взять в толк, что же там говорит Фрида.

Лют уже приготовился заорать еще раз. Вены вздулись. Шея и лицо побагровели. Но вдруг передумал. Широкая улыбка исказила лицо. Через секунду он расхохотался.

– А, сходи! Сходи сама, потребуй награду. Давай! Можешь забрать ее всю себе.

Фрида опешила и даже отошла на два шага назад. Подполковник хохотал так, что на глазах выступили слезы. Он тут же представил себе, как Мортус будет брезгливо морщиться, высасывая старую, давно увядшую плоть. И как вытянется лицо у Фриды, когда Илайна познанокомит старуху с дьяволом. Не помогут ни вера, ни большой крест, висящий поверх сутаны, ни слухи о потусторонних силах настоятельницы. Мортусу все равно.

– И схожу. – Фрида задрала высохший подбородок.

– Удачи! – выдавил подполковник, наконец-то справившийся с приступом смеха.

Фрида подошла к двери и уже взялась за ручку, как вдруг передумала. Раз подполковник согласен отдать свою половину, значит, награду действительно не так-то легко получить. Ведь даже половина была настолько весомой, что могла с лихвой покрыть все запросы настоятельницы.

В голове тут же возник другой план.

– Допустим, награда уплыла мимо нас... – начала она.

– Допустим, – передразнил ее Лют, все еще посмеиваясь.

И тут же:

– Забудь о ней, – лицо стало серьезным.

Слезы, все еще веселящиеся в уголках глаз, мгновенно исчезли.

Фрида поежилась.

«Надо же! Королеве удалось сломить непобедимого Люта Валькеля. Вон как он ее боится. Тогда и мне нечего туда соваться!» – что-то разумное пролетело в голове.

– В таком случае я предлагаю следующее. Есть у меня запасной план... – начала она.

Лют сначала слушал ее лениво, вполуха. Эта старая ведьма до колик надоела ему. Но чем дальше Фрида говорила, тем больше он обращался в слух.

– Я тут кое-что выяснила про Лейфа.

– Про кого? – недопонял Лют.

– Того самого мальчишку – блондинчика, что мы прятали в лазарете для подарка королю.

«Вы прятали! В тайне от меня!» – скрипнул зубами подполковник.

– Когда вы взяли Крис на пристани, с ней был парень. Он нырнул под причал, чтобы сбежать от вас.

– И что? Кому интересен какой-то там беспризорник? Да и с чего вы взяли, что он был с ней?

Фрида поморщилась от досады. Недальновидность подполковника начала ее раздражать.

– Ну конечно, он был с ней! Мои осведомители не могут ошибаться. Они выбили из рыбаков правду.

– Даже если так. – Валькель равнодушно пожал плечами, сдерживая злобу при упоминании шпионской сети настоятельницы, которая давно не давала ему покоя. – Все равно он отправился на корм рыбам.

– А вот и нет, – торжествуя проговорила Фрида. – Парень жив. Более того, я узнала, как его зовут.

– На кой черт?

– В смысле? – удивилась настоятельница, придя в еще большее раздражение. – Нужно знать всех, кто дружит с Крис.

– Ну-ну, – неопределенно буркнул подполковник, но против воли заинтересовался.

Видя, что он слушает ее внимательно, Фрида окончательно пришла в себя и начала упиваться положением. Повисла ненавистная для Люта театральная пауза. Это делать Фрида умела мастерски, выводя из себя даже самых терпеливых собеседников. А уж Лют терпением никогда не отличался.

– И! Кто он? – рявкнул подполковник.

– Стэйн Одманн! – покладисто ответила Фрида, не рискуя и дальше злить его.

– И что нам это дает?

– А то, что фамилия блондинчика тоже Одманн. Я покопалась в бумагах и нашла, что мальчишки не просто однофамильцы. Они братья. И из известной семьи фермеров Одманнов, которые до разорения жили в деревне Варкушиль.

– Знаю, знаю. Сыр, шерсть, молоко. – Лют сразу вспомнил, что раньше всегда покупал продукцию Одманнов и потом часто сожалел, что ферма разорилась. Товары других фермеров и в подметки не годились.

– В их доме давно никто не живет. Ферма разграблена. Но я отправила своих людей проверить, пусто ли там.

Фрида вновь замолчала, наслаждаясь каждым моментом. Видеть то, как подполковник пытается сложить два и два, но никак не может получить верный ответ, оказалось верхом удовольствия.

– Зачем? – снова не выдержал подполковник.

– Зачем? – Фрида подняла бесцветные брови так высоко, что сморщенный лоб измялся еще больше и стал похож на скомканный лист бумаги. – Ну... право... я и не ожидала такого вопроса от человека вашего ума, – насмешливо протянула она.

Подполковник начал свирепеть. Разлившаяся краска цвета переваренной свеклы по его лицу красноречиво говорила об этом.

– А затем, что они все – одна шайка. Там, где Стэйн, там Лейф. А где Лейф – там и Агнетта. Закадычные друзья Крис. И они точно попробуют организовать побег. А мы можем разоблачить их и претендовать на награду. Здесь король не отвертится. Целый заговор раскроем. И награда будет немалая.

– Они? И организовать? – усмехнулся подполковник, вновь вспомнив катакомбы подземелья и Мортуса, дышащего прямо в лицо. – Ну как? Уже что-то получилось?

– Пока нет, – ответила Фрида. – Но они несколько месяцев назад покинули ферму и прячутся где-то в городе.

– Ничего удивительного, – фыркнул Лют, придя в отличное настроение от фантазий Фриды. – В деревне совсем нечего есть, вот они и подались в город на заработки. Да и вообще, это невозможно. Во-первых: приятели девчонки – это кучка детей. Самому старшему сколько? Семнадцать? Восемнадцать? Молоко еще на губах не обсохло. Во-вторых: организовать побег нужно из королевского замка. Да они и не войдут туда. Королева устроила охрану. Я лично отвечаю за безопасность всех входов. И между прочим – своей головой.

– Не просто кучка детей, – загадочно произнесла Фрида и наконец-то села, дав отдых давно ноющим ногам и пояснице. И лишь тщательно расправив складки на монашеском платье, соизволила договорить: – С ними есть один человек. Хорошо вам знакомый. Я бы даже сказала... близкий.

– И кто же это?

Фрида уже видела, как в уме подполковника замелькали десятки фамилий, кроме одной, той самой.

– Сварт Тансон!

Старой монахине очень понравилось, как вытянулась физиономия Люта при упоминании ближайшего помощника, которого он презирал. Ведь тот предатель. И предал не кого-либо, а самого Лютого Усача. Того, кто столько сделал для молодого лейтенанта. Практически вырастил его, передавая все полезные навыки военного дела.

То, что эти «полезные» навыки заключались в ненависти и преследовании обездоленных нищих, он даже и не думал. Для него все это было делом жизни.

– А уж он-то знает все потайные ходы, – продолжала Фрида. – Все до единого. И те, что не знаете вы. Недаром столько торчал в библиотеках, изучал чертежи. Он даже из монастыря умудрился сбежать через выход, о котором давно забыли.

Она окончательно расслабилась и улыбнулась, глядя на подполковника:

– Вы и теперь будете утверждать, что организовать побег невозможно?

Усач побледнел и закусил губу.

В голове словно сверкнула молния. Он вдруг отчетливо вспомнил тот день, когда второй раз поймал Крис. До мельчайших подробностей. Лют отшатнулся от собственных воспоминаний. Втянул голову в плечи, ожидая вспышку боли.

Ведь раньше, стоило ему всего лишь попробовать пробиться сквозь туман, накрывший события того дня, голова начинала болеть так сильно, что Лют оставил все попытки. А тут все предстало как на ладони. И первым делом увидел изменившееся лицо Сварта. В нем больше не было лести и желания угодить, а холодная решимость и что-то такое, что заставило подполковника почувствовать себя неуверенно.

Но ненадолго.

– Убью... – прошипел он.

Тяжелые мысли нахмурили и без того уставший лоб. Темные глаза потемнели еще больше, и в них появилась ярость. Не простая. А опасная, хищная, неконтролируемая. Словно в Люта вселился дикий зверь. Пальцы сжались в кулаки с громким хрустом, разорвавшим гнетущую тишину.

Фрида взглянула на него, и ей стало жутко. Теперь она поняла фразу, что иногда молчание страшнее громких слов. Уж лучше бы подполковник разразился гневной тирадой, начал крушить мебель, стучать кулаком по стене...

Но он продолжал молчать.

Да и не нужно было слов.

Непроизнесенные угрозы и проклятия прозвучали так громко, что у Фриды взмокли седые волосы на затылке. Пальцы бессознательно нащупали тяжелый металлический крест и крепко сжали его.

Ей захотелось бежать без оглядки.

Глава 5

Крис кое-как открыла глаза. За прошедшие три месяца она почувствовала себя настолько плохо, что потеряла счет времени. Нет ни сил, ни желания. Равнодушие овладело ею.

Она часами лежала и бездумно тарасилась в темноту. А та была полной, непроницаемой и густой, словно живая. Иногда, в моменты просветления, Крис даже развлекалась. Она поднимала руку и сжимала кулак, ощущая, как в крепко сжатых ладонях возмущенно колотится темнота, требуя свободы.

И только сейчас Крис поняла, что темнота может быть говорящей. Ей слышались вздохи, стоны, полусшепот, а остальное дорисовывало воображение. Картины получались до того леденящими, что Крис предпочитала лежать с закрытыми глазами, лишь бы не видеть темноту.

Бывали часы и целые дни, когда темнота страдала. Крис слышала плач – надрывный, жалобный. Поначалу она пыталась выяснить, кто же убивается от горя? До тех пор, пока не осознала то, что плачет сама. После этого перестала и прислушиваться. Просто лежала, крепко зажмурившись и заткнув руками уши. Она мечтала о том, чтобы все побыстрее закончилось. Правда, не понимала, что должно закончиться? Неужели у того, что происходит с ней, есть какое-то завершение?

Ответ не находился, и Крис снова становилась безразличной ко всему.

Все это время перо молчало. Как будто обиделось на хозяйку за слова, сказанные в минуту отчаяния и жалости к себе. Теперь не было ни тепла, ни единой искры. Вместе с ним молчала и Крис. Вскоре равнодушие полностью завладело ею. Лицо стало отрешенным. Ни проблеска мысли или каких-то эмоций. Ничего. Пустая высушенная оболочка без души, без сердца.

Наступала ночь, ее сменял день, и так по кругу, но для Крис все время казалось одинаковым – темным и беспросветным. Она не знала, сколько сейчас времени. Она не знала, какой сегодня день недели. По правде говоря, и месяц ей неизвестен. Крис вообще думала, что лежит уже несколько лет.

Но сегодня что-то особенно не давало покоя. Какой-то звук, до того необычный, что Крис открыла глаза.

Слабость тут же положила тяжелую лапу на веки, делая их неподъемными. Крис уже пошла у нее на поводу, начала послушно засыпать, но опять этот звук. Царапающий, настойчивый, звонкий. Налетел, прогремел и затих.

– Да что ж это такое? – прошептала она, напряженно вслушиваясь в тишину, которая никак не хотела помогать ей.

Где та исцеляющая энергия, что питала айн? Где чудеса? Где магия? Где хотя бы добро, свет, хоть какой-то проблеск в этом унынии и печали?

Ответ прост. Ничего этого нет. Волшебства не существует. Все это выдумки, небылицы, сказки.

Есть зло, тюрьма, оковы, пустота, порождение дьявола под ногами и дьявол в женском обличье, навещающий в гости.

Чувствуя разбитость и ломоту во всем теле, словно ее лупили палками с утра до ночи, Крис заставила себя сесть, попыталась сглотнуть слюну и поморщилась. Во рту было сухо, как в пустыне. Ни капли влаги, чтобы хоть немного смочить потрескавшиеся губы. Лоб горел огнем. Весь жар сконцентрировался на этом участке тела, все остальное же было холодным, как лед. Крис медленно вытянула руку. Тонкие пальцы тут же задрожали, руку сковала судорога. Сжав ладонь в кулак, Крис сунула ее под себя, чтобы хоть как-то унять дрожь.

– Раз уже проснулась, то надо вставать, – пробормотала она. – Если я не сделаю этого сейчас, то уже не сделаю никогда. Один раз я поборола болезнь, справлюсь и сейчас.

Сказать – сказала, а вот сил выполнить задуманное не нашлось. И если быть честной, то и желание, вызванное любопытством, исчезло. Да и звук пропал.

Крис глубоко задышала, пытаясь хоть как-то собраться. Но ничего не получалось. Потерев руками виски, она ссутулилась, поникла. Слабость только и ждала этого. Снова окутала плечи, словно ватное одеяло. Уютная дремота навалила мягкими лапами, заставляла лечь обратно, убаюкивала. Глаза начали закрываться.

Но тут засветились сторожевые нити.

– Что это? – снова вздрогнула она. – Неужели Илайна опять идет?

Сон слетел, и Крис напряженно вслушалась в тишину.

Пытка Илайной, которая навещалась с завидной регулярностью, оказалась куда хуже непонятной слабости, свалившей с ног. Уж лучше смотреть в темноту.

Крис бросила взгляд на нити, осветившие сами себя тусклым сиянием.

Странно, но напряжились, насторожились только те, что шли из темного угла, а не от двери, как раньше. И звука шагов нет. Нервный стук каблучков Илайны по каменному полу со вторящим ему шарканьем Марлы был слышен за пару минут до их прихода. Да и вечное брзжание Марлы стены подземелья неизменно передавали туда-сюда, по пути дополняя визгливыми нотками.

Вновь шум. Нет, он не похож на шаги.

Как будто кто-то просыпал зерно на пол. Такой же глухой перестук и перекачивание.

Любопытство вновь вспыхнуло в ней, прогнав притаившуюся слабость. Крис повела плечами, словно скидывая давящее на них одеяло, оперлась руками о топчан и, оттолкнувшись, привстала. До боли напрягая глаза в попытке разглядеть в слабом свете нитей хоть что-нибудь, она вытянула шею и снова прислушалась.

Опять шум. Более отчетливый. Уже не щепотка зерна, а целая горсть. Нити засветились ярче.

Кто-то явно приближался.

– Не может быть! – воскликнула Крис и зажала рот рукой.

Еще не хватало, чтобы охранники услышали. Испугавшись, она покрылась потом с ног до головы.

– Они ж глухонемые. – Волна облегчения оказалась такой сильной, что смыла остатки слабости, все еще пытающейся завладеть Крис.

Адреналин вскипел, требуя все выяснить. И немедленно.

Она на цыпочках подошла к стене, присела, пошарила рукой по полу. И снова чуть не вскрикнула. Ее догадка правильная. Звук издавали камни. И они сыпались на пол из вентиляционного отверстия, однажды спасшего ей жизнь.

Еще горсть камней.

Крис начала сгребать их руками и относить под топчан. Не ровен час, заявится Илайна, и тогда все пропало. Неведомый спаситель (а то, что явились именно за ней, Крис и не сомневалась) неминуемо попадет в плен.

Ее друзья идут на помощь. Точно они. Только они знали о шахте, больше никому бы и в голову не могло прийти, что через такое небольшое отверстие, ранее служившее дымоходом для отопления подземелья, может пролезть человек.

– Скорее всего, Лейф, он самый маленький, – прошептала Крис и невольно улыбнулась, представив Агнеттус ее пышными формами или Стэйна с широченными плечами, пытающимися протиснуться в узкий лаз.

Правда, при мыслях о Стэйне улыбка тут же пропала. По телу пробежала уже ставшая привычной горячая волна. Крис нахмурилась и закусил губу. До боли и привкуса солоноватой крови во рту. Не помогло. Перед глазами снова появилось лицо друга. Тот взгляд, полный беспокойства и затаенной нежности. Ласковая улыбка, тронувшая губы. Ощущение тепла и покоя. И ненависть, разом перечеркнувшая все.

Крис раздраженно выругалась. Она думала, что будет проще выкинуть Стэйна из мыслей. Тем более когда они далеко друг от друга. Но ничего не получалось. Образ парня преследовал ее и днем, и ночью. Причем со временем черты его лица стали тускнеть. Крис уже не помнила все до мельчайших подробностей. Но вот его такой переменчивый взгляд и калейдоскоп эмоций на лице врезались в память на всю жизнь. Невзирая на старания времени, они даже не поблекли.

Зажмурившись, она тряхнула головой, словно надеясь выбросить оттуда мысли о друге. Улыбка сменилась кривоватой усмешкой. Стэйн словно говорил ей: можешь стараться сколько угодно, все равно не выйдет.

Очередная порция камней. Крис чихнула от посыпавшейся пыли, но, не давая себе ни секунды на то, чтобы отдышаться, проворно собирала камни.

В шахте заворочалось, загремело. Неожиданно раздался жуткий скрежет. Крис в страхе присела, прикрывая руками голову. Этот скрежет больше похож на звук когтей, скользящих по металлу.

– А если это зверь?

В два прыжка отпрыгнув в сторону, Крис забралась с ногами на топчан.

– Ну конечно! Какой Лейф? Вот я тупица, размечталась. Друзья уже давно забыли меня. Это, скорее всего, какое-нибудь любопытное животное. Может, крыса. – Она боязливо повела плечами.

Крыс она не боялась. На пристани, среди торговых рядов городского рынка, между трактирами шныряли десятки длиннохвостых упитанных тварей, выросших до размеров двухмесячного котенка. Они деловито рылись в отходах, таскали у торговки товар, так что Крис была с ними хорошо знакома. Но встретиться с крысами один на один в тесной темной камере, где не видно ничего, ей не хотелось. Она уже даже представила их глаза. Красные, горящие голодом и злобой. На пристани она не была для них ни соперником, ни добычей. А вот здесь... От таких мыслей по спине пробежал холодок.

Скрежет повторился.

Девушка уже убедила себя, что это крыса. Схватив подушку, Крис приготовилась бороться с незванным гостем.

И тут послышались шаги.

Нити, идущие от двери, засветились, натянулись. И впервые Крис обрадовалась нежеланным гостям. Сейчас Илайна с Марлой опять наведут шум истериками да воплями. Крыса испугается и убежит.

Хотя еще неизвестно, с кем лучше остаться наедине в тесной камере. С непредсказуемой Илайной с горящим от букв и ненависти лицом или бедным животным, заплутавшим в лабиринте заброшенной шахты.

Дверь открылась, впустив яркий свет. Крис зажмурилась.

Глаза, привыкшие к темноте, тут же заслезились.

В камеру торопливо вошла Илайна, распространяя вокруг себя аромат богатства, уверенности и непомерного самомнения. На лице с трудом удерживалась широкая улыбка, полная притворной доброты и заботы. И она слабо справлялась с задачей придания человечности Илайне. Потому что все портили глаза. Как бы Илайна ни улыбалась, глаза оставались прежними – холодными, колючими, злыми.

Завидев улыбку, Крис поморщилась. Все ясно. Илайна сегодня решила быть доброй. И угадала.

– Как дела у моей дорогой племянницы? Похудела как, побледнела, – самозванка всплеснула руками, полностью соответствуя образу заботливой тетушки, который сегодня нацепила на себя, – я беспокоюсь, – для пущего эффекта Илайна огорченно охнула.

– Вашими молитвами, – буркнула Крис, не веря ни единому слову.

Каждый звук, каждый жест настолько пропитался фальшью, что еще немного, и ложь начнет сочиться на пол, разъедая в камне огромные уродливые дыры.

– Это все перо, – нарочито печально проговорила Илайна, так громко и бурно вздыхая, что Крис удивилась про себя, как у лжекоролевы не закружилась голова. – Оно тянет из тебя силы и энергию. Еще немного, и ты превратишься в тень.

Илайна настолько сильно вошла в роль, что даже издала полустон, полувсхлип, словно здоровье Крис волновало ее больше всего на свете.

– Позволь мне помочь тебе!

Илайна торопливо подошла к топчану и села на краешек, брезгливо приподняв платье.

Крис бросила осторожный взгляд в угол. Камни больше не сыпались. Шуршание и скрежет прекратились. Услышав голоса, крыса затаилась или испугалась и бросилась назад.

– Я могу избавить тебя от страданий. Просто отдай мне перо.

– С чего бы это? – грубовато ответила Крис и демонстративно отодвинулась, всем видом показывая, что ей неприятно.

По лицу Илайны пробежала судорога.

Она протянула руку и прикоснулась ко лбу Крис, как будто хотела проверить, есть ли температура.

И она вдруг откуда-то появилась.

Лоб тут же пронзила стреляющая боль.

Крис схватилась за голову и стиснула зубы, чтобы не застонать. Рука Илайны тем временем скользнула на правое плечо и крепко сжала его. Боль, словно привязанная, послушно последовала за ней. Разрывая голову на части, пронзила шею, плечо, руку, спину. Перо, оставаясь темным и беззвучным, будто огромное раскаленное клеймо, вгрызлось в кожу, проникая глубоко и прожигая все на своем пути.

– М-м-м, – застонала Крис.

Кожу, мышцы и кости охватило огнем.

Крис дернулась в сторону в попытке отползти от Илайны, свернуться в клубок, спрятаться, но та крепко впились пальцами в плечо.

– Видишь, как оно мучает тебя. Отдай, и все закончится, – сквозь новую вспышку боли донеслось до нее.

В голове появилась навязчивая мысль: «Отдай, отдай, отдай!»

От боли Крис ничего не соображала, она даже забыла, где находится, что с ней и вообще жива ли или умерла и попала в ад. Хотя зачем гадать? И так ясно – она уже давно в аду. На его дне.

«Отдай, отдай, отдай!»

Ничего не было в голове, кроме этих слов. И правда, зачем ей перо? Может, отдать, и дело с концом?

«Нет!»

Резкий ответ выгнал навязчивые мысли.

Сейчас Крис знала точно одно: что всей душой, до самой крохотной клеточки, ненавидит эту женщину, склонившуюся над ней.

Поэтому: «Нет! Ни за что! Никогда!»

Скорчившись от отвращения, Крис кое-как бросила:

– Иди ты к черту!

– Ах ты!

Илайна вскочила, дрожа от негодования. Столько усилий и времени потрачено. И все зря. Эту негодяйку ничего не берет. Ни угрозы, ни уговоры, ни даже всемогущая слизь Мортуса. Девчонка упорно продолжает стоять на своем.

Едва ее пальцы отпустили плечо, к Крис вернулась способность дышать. Глотая воздух, она обессиленно растянулась на топчане. Пот залил лоб, глаза, по спине, на груди расплзались мокрые пятна. Но не успела перевести дыхание, как на нее обрушился первый удар.

– Дрянь! Какая же ты дрянь! – Кулаки Илайны лупили без разбора. – Отдай мне перо! Отдай!

В истерический визг вмешался встревоженный голос Марлы:

– Илайна, прекрати. Илайна!

Но та, ослепленная яростью, ничего не слышала и не видела. Кровавые буквы изрезали лицо, руки, шею. Они пылали. Летящие от них искры прожигали ткань, оставляя на коже Крис едва заметные, но сильно зудящие ожоги. Ей удалось подтянуть ноги к груди и закрыть руками голову. Все тело вздрагивало от ударов.

– Ты убьешь ее и останешься без пера! – Марле все же удалось достучаться до разъяренной Илайны.

Она опустила руки и бросила злобный взгляд на скорчившуюся Крис.

Отдышавшись, надолго замолчала. Буквы начали гаснуть. Уродливая маска, искажающая лицо, исчезла. Перед Марлой снова стояла красивая женщина. Правда, лицо было покрыто невидимой вуалью, сотканной из ярости, раздражения, приправленного осознанием собственного бессилия.

Прошло пять минут, десять. Тишина становилась все более гнетущей. Даже Марле стало не по себе, что уж говорить о Крис. Все так же скорчившись на топчане, она бросала на застывшую Илайну встревоженные взгляды.

И вдруг огонек торжества вспыхнул в глазах самозванки.

– Придумала!

Илайна сильно воодушевилась. Она сделала несколько оборотов вокруг себя, как будто собиралась пуститься в пляс.

– Я придумала, придумала, придумала! Я больше не буду тебя уговаривать. И не буду запугивать! – На ее лице появилось выражение городской сумасшедшей, поющей песни и выкрикивающей бессвязные фразы. – На оборот, я начну тебя хорошо кормить и ухаживать. Я вылечу все твои раны.

Илайна легкомысленно послала воздушный поцелуй в сторону опешившей Крис.

Марла недоуменно уставилась на подопечную: она точно сошла с ума.

– Я надену на тебя красивые наряды, украшу с головы до ног драгоценностями...

У невольных свидетелей истеричного танца полезли глаза на лоб. Илайна все больше походила на сумасшедшую.

– А знаешь зачем?

Повисла торжественная пауза. И все это время Илайна наслаждалась каждой секундой, уставившись на Крис. Она легко считывала ее испуг и буквально впитывала весь страх до последней крупинки.

– Ну! – не выдержала Марла, сгорая от любопытства вперемишку с нарастающим беспокойством.

Она уже поняла, что Илайна не дожидается ответа от Крис. Та, видимо, потеряла дар речи.

– Через два месяца тебе шестнадцать. Достаточно времени, чтобы привести тебя в порядок...

– Для чего же? – Марла уже не скрывала эмоций и схватила Илайну за руку, намереваясь тряхнуть, поторопить.

– Я выдам ее замуж, – мрачно закончила Илайна, отделяя слова друг от друга длинными паузами.

– Что? – удивленные возгласы Марлы и Крис слились в унисон.

– Да! Я выдам ее замуж за одного из министров и отдам трон. Когда она забеременеет, запру обратно. После рождения дочери, будущей наследницы, сразу же убью! И перо будет моим!

Илайна вся засветилась от удовольствия:

– И как я раньше не подумала об этом?

Развернувшись, она быстро вышла, оставив Марлу и Крис пребывать в глубоком шоке.

– Как замуж? – жалобно пробормотала Крис. – Мне всего шестнадцать...

– По нашим законам королевским наследникам ввиду исключительных обстоятельств можно вступать в брак с шестнадцати лет. Если того требует политика или ситуация в стране, – механически ответила Марла и, спохватившись, заторопилась к выходу, пока не сказала еще чего.

Хлопнула дверь, лязгнули засовы, и Крис осталась наедине с невеселыми мыслями и кошмарными снами.

Теперь к ней каждую ночь во сне приходили министры, все двенадцать – старые, трясущие патлатыми седыми головами. Морщины на лицах алчно кривились, образуя чудовищные маски. В их глазах сверкало ничем не прикрытое возбуждение. Они лихорадочно шептались:

– Моя! Она моя! Она только моя!

И лезли к ней, толкая друг друга, распахивая локтями и даже исподтишка пиная или наступая на ноги соперников.

В едином порыве они тянули к ней дрожащие руки со скрюченными пальцами. Каждый норовил схватить Крис, чтобы подтащить к себе.

Их руки вытягивались и становились похожими на волосатые лапы пауков, которые ловко бросали липкую паутину, попадающую точно в цель. Петля за петлей, и паутина заматывала Крис в тугий кокон, лишая возможности защищаться. Последнее, что она видела, – это собственное лицо с широко открытым в отчаянном вопле ртом и вытаращенными глазами. В них полыхала нестерпимая боль. Руки-лапы накрывали ее тело, и даже через толстые слои паутины она чувствовала прикосновение потных дрожащих ладоней. Возбуждение в глазах министров сменялось на холодный изумрудный блеск.

Крис кричала и просыпалась. Чтобы через время снова провалиться в паутину нового сна.

Глава 6

– Ты куда прихорашиваешься? – Марла настороженно уставилась на Илайну. Та занималась туалетом больше часа.

Она уже несколько раз наносила на лицо макияж, и полученный результат настолько не нравился, что раздраженно смывала и начинала заново. Даже кожа покраснела. Поняв, что пора остановиться, пока идеальную внешность не изуродовали юношеские прыщи, Илайна скривилась.

– Куда-куда? Я же рассказала о планах. – Она еще раз провела пуховкой по лицу, придирчиво разглядывая отражение.

И оно ее вновь не устроило. А все потому, что сегодня Илайна не могла быть собой. Ей нужно нацепить на себя образ Тайнары.

Она уже сделала сложную прическу, в точности воссоздав дурацкие затейливые косы, которыми любила оплетать голову Тайнара, и даже не забыла выпустить пару локонов, чтобы добиться идеального сходства. Оставалось повторить макияж. Но, несмотря на все мастерство, а Илайна им владела в совершенстве, результат раздражал. Ведь Тайнара не любила ни тени, ни румяна, предпочитая слегка подчеркивать естественную красоту. Илайна же обожала все яркое и броское. И сейчас, нанеся лишь пудру и немного туши на ресницы, она с досадой смотрела на себя в зеркало. Ей казалось, что она голая. Бледная тень себя.

«Может, хотя бы помаду?» – мелькнуло в голове.

Рука потянулась к тюбику с ярко-алой губной помадой.

«Нет, нет!» – одернула себя Илайна.

Стоит только покрасить губы, как тщательно воссозданный образ тут же разрушится, и снова придется умываться.

Подумав об этом, Илайна разозлилась.

«Сколько можно носить блеклую личину сестры? Когда это кончится? Красота создана для того, чтобы ее подчеркивать, украшать! Эта бледная мошь Тайнара слишком скромно относилась к себе, не думая ни о нарядах, ни о косметике. Как надоело это все...»

– Не поняла? Какие там у тебя опять планы? – ворчливо спросила Марла, не подозревая о кровожадных мыслях, бродивших в голове подопечной, и, как следствие, о ее раздраженном состоянии.

И это оказалось опрометчивым. Ворчать точно не стоило. Да и вопросы задавать тоже.

– Что ты там не поняла, глупая старуха? – Илайне хватило искры, даже не искры, а еле заметного блика, чтобы взорваться.

Лицо вспыхнуло от гнева, черты исказились до неузнаваемости. Теперь собственное отражение еще больше не нравилось Илайне.

Бросив пуховку на стол, резко развернувшись. Браслеты звякнули, вторя негодованию.

– К министрам я иду, что здесь непонятного? Буду выдавать «дочь» замуж!

Посмотрев на браслеты, раздраженно стянула их, оставив одни серьги. Тайнара и краситься не умела, и украшения выбирать. Альвисс завалил жену подарками, купив кучу драгоценностей, а ее глупая сестричка носила мамину цепочку, серьги и обручальное кольцо. И больше ничего.

Как так можно?

Поэтому, чтобы не отличаться от сестры, Илайна вынуждена не только смыть макияж, но и снять все украшения. Это у себя в замке она могла ходить в чем заблагорассудится, но на заседание министров следовало тащить на себе внешность Тайнары. Совет двенадцати – единственные люди, с кем Илайна вынуждена считаться, чтобы спокойно править страной. И последние, кому следовало узнать о подмене настоящей королевы самозванкой. Они могли и свергнуть ее, несмотря на то что сами получили место в совете незаконно. Но, принимая от министров взятки, Илайна была вынуждена наделить их властью. И ничего не могла с этим сделать. Так велел закон. Страной правит король и совет двенадцати. А законы Вольденгоррии суровы. Отменить их можно только единогласным решением короля и всех министров, что было невозможным. Не будут же министры голосовать за то, чтобы отобрать власть у самих себя.

– Замуж? – растерялась Марла. – Я думала, что ты не всерьез. Она ж еще совсем ребенок.

– Ты с ума сошла? Что значит не всерьез? Да это идеальный план. Выдам ее за одного из министров. Кандидат будет счастлив породниться с королевской семьей. Да и мне это на руку. Министры будут еще больше преданы мне.

– А потом?

– Что потом? – Илайна еще больше разозлилась от недалёковидности Марлы. – Как придет время – избавлюсь, – жестко ответила она. – И от нее, и от него, и от их отпрыска.

Илайна не удержалась и согнула пальцы, представляя, что держит Крис за шею.

– Лично придушу! – процедила она сквозь зубы. – С нескрываемым удовольствием.

Угроза тяжело повисла в воздухе и не думала испаряться, как это делают все сказанные слова. Здесь буквы словно застыли, источая враждебность. В комнате стало тесно и холодно.

Марла зябко повела плечами. С каждым днем подопечная пугала ее все больше. Не тем, что она собиралась расправиться, по сути, с невинными людьми. Люди и их жизни никогда не волновали Марлу. А вот жестокость и неприкрытое предвкушение, даже вождение, прозвучавшее в голосе Илайны, – насторожило. Кажется, ее подопечная вошла во вкус. Убийства начали приносить удовольствие. Еще немного, и Илайна от Марлы избавится. С такой же кровожадной ухмылкой и злорадством на лице. И глазом не моргнет.

Мотнув головой, чтобы прогнать липкий страх, Марла попыталась возразить, сама не зная, зачем это делает. Разве что немного досадить? Уж больно Илайна светилась уверенностью и осознанием собственной гениальности. Хотелось стереть это торжество с ее лица.

– Но ведь министры же все в возрасте... Самому младшему около шестидесяти лет.

– И что? Какие могут быть препятствия для брака? Зато у многих нет жен. Уже вдовцы.

– А ребенок? Ты уверена, что у них еще остались силы для зачатия ребенка?

– Подумаешь, – хмыкнула Илайна. – Нашла проблему. Мало ли у нас здоровых мужчин, падких на молодое тело. Взять тех же братьев Бескровиль. Да они без возражения исполняют любой мой приказ. А этот – с превеликим удовольствием.

– Но тогда ты увеличишь шансы на то, что Кристайн родит близнецов. Мало нам наследственности, полученной от вашего рода. Неужели ты хочешь повторения истории?

Марла содрогнулась.

– Никакого повторения не будет. Я не допущу, – жестко ответила Илайна. – Да, рождение близнецов нам вовсе ни к чему. Ну и ладно. Найду другого кандидата. Главное, что Кристайн займет трон, потому что перо от нее может перейти лишь к будущему наследнику власти. А кто будет отцом этого ребенка, абсолютно неважно.

Илайна сказала и задумалась. Идея отдать Кристайн братьям настолько сильно нравилась ей, что не хотелось от нее отказываться. Зная их горячий нрав и жестокость, она была уверена, что после общения с ними Кристайн будет сломлена. И сделает все, что ей прикажут, чтобы вновь не остаться с братьями наедине. Например, без проблем выносит беременность. А то мало ли что может взбредит сумасбродной девчонке в голову.

«Ну и пусть родит близнецов. Подумаешь. Шанс в любом случае есть. Что с братьями Бескровиль, что без них. Где гарантии? Их нет. Да и какая разница, от скольких младенцев избавляться, от одного или двух?» – кровожадно подумала она.

У Марлы закончились возражения. Она замолчала, принявшись жевать нижнюю губу. Илайна терпеть не могла эту привычку няни и даже дернулась, чтобы вновь излить раздражение, но решила промолчать. Нужно беречь силы и энергию для более важного дела. Ведь предстоит серьезный совет, где потребуются все артистические способности. К тому же она и без того эмоционально измотана из-за приставаний Хэйварда, который словно ошалел от свалившегося в его постель счастья и никак не хотел уgomониться.

Марла же продолжала рассуждать, погрузившись в размышления.

Хоть и ранние браки давно ушли в прошлое, мысль о том, что Кристайн выйдет замуж, не смущала ее. Но за старика? Печальная судьба. Хотя... С чего это ей жалеть девчонку? Чем быстрее Илайна осуществит планы, тем быстрее Марла покинет эту тюрьму на острове. Илайна ни за что не останется в Вольденгории. А куда ее подопечная, туда и она – будущий айновидец, знаток силы пера.

– Для того, чтобы выдать Кристайн замуж, нужна веская причина, – наконец-то сказала она. – Министры могут и не разрешить.

– Марла! Какая же ты недалекая. Ты не видишь дальше носа.

Как бы невзначай за прошедшие пять минут Илайна дважды оскорбила няню, выставив глупой старухой, не умеющей придумать хоть какой-то план, и даже не заметила этого.

Марла же обиделась.

«Оскорбляй, оскорбляй! Посмотрим, как ты будешь без меня справляться с пером. С таким характером в одиночку не совладать с ним. Магия требует бесконечного терпения. Вот тогда ты прибежишь ко мне за помощью. Уж мне-то терпения не занимать. И будешь делать все, что я скажу».

Мысль понравилась Марле. Она выпрямилась и затаенно улыбнулась, решив никак не реагировать на обидные слова.

– Ведь все просто! – Илайна снова развеселилась.

Подскочив, она подошла к шкафу и начала перебирать наряды, решая, что надеть. В гардеробе Тайнары полно вещей. Но все они такие скучные и правильные, прям как сама Тайнара. Запретив себе злиться по этому поводу, Илайна застучала вешалками.

Немного подумав, она вытащила скромное темно-синее платье, расшитое белой вязью. И строго, и в то же время почти празднично. Ведь и новости для министров будут такие, сначала радостные, а потом печальные.

– Сегодня я подготовлю министров к известию о том, что Кристайн может быть жива. Не зря же я столько лет ее искала. И вот нашла на след, – Илайна начала рассуждать вслух, примеряя платье. – Когда они привыкнут к этой мысли, я предъявлю им девчонку. Никто и сомневаться не будет. После того как волосы отросли, она до безобразия похожа на родителей.

Надев платье, Илайна с кислой гримасой покрутилась перед зеркалом. Темный цвет сделал ее похожей на ворону, решившую по глупости украсить себя белым воротником. Хотя... для таких собраний нужен официальный вид.

– Потом скажу, что Хэйвард серьезно болен, а мой долг – находиться рядом с ним.

Хмыкнув, она накрутила локон на палец и, уставившись в зеркало, придала лицу нужное выражение скорби и печали:

– Как любящая жена, я не могу оставить его в одиночку сражаться с недугом. Поэтому буду день и ночь помогать лечить его, – прорепетировала она речь, умудрившись даже вызвать слезу.

– Появление Кристайн для нас не иначе как подарок судьбы. Ведь нужно решать, что делать с тронном, – торжественно и немного трагично закончила она.

– Из-за того, что наследница не может править в одиночку... – догадалась Марла и застыла, переваривая замысел подопечной.

– Нужно срочно выдать ее замуж! – восторженно закончила Илайна. – И я предложу место короля кому-то из них.

– Какой из министров не захочет стать королем? Да они как стервятники ухватаются за такую возможность. – Марла больше не могла притворяться и подняла руки, показывая восхищение планом.

– Именно! Мне останется выбрать, за кого отдать ненаглядную «дочь». Кто больше всех достоин такой чести. Может, еще и что-то вроде выкупа за невесту назначу. А то казна совсем пуста. А что? – Лицо Илайны исказилось от плохо скрываемой радости. – Сделаю аукцион! Кто предложит больший выкуп, тот и станет королем.

– И ведь никто не возразит. Все будут надеяться занять трон. А остальные, боясь потерять поддержку будущего короля, тут же примут твой выбор, – Марла возликовала, забыв все обиды, оскорбления.

Этот план, в отличие от всех безумных замыслов подопечной, может сработать. Точно сработает. Марла настолько уверовала в это, что мысленно уже отплывала на богатом корабле прочь от острова.

Но тут же похолодела:

– А если Хэйвард... – испуганно начала она. – Король почти вернул себе разум. Он воспротивится. А без его согласия...

– Успокойся, – перебила ее Илайна. – Я же сказала – он болен. Король у меня под полным контролем.

Она кивнула на соседнюю спальню, из которой король не выходил уже несколько дней.

– Хэйвард оказался крепким орешком, но Мортус справился. И не спрашивай, чего мне это стоило.

– Ой, – скривилась Марла, – не надо преувеличивать. Хэйвард всегда был по уши в тебя влюблен. Как только Альвисс позвал его погостить к нам в замок, так он ни на шаг от тебя не отходил. И ради тебя же здесь остался. Вот мне гораздо сложнее одурманить его, чем тебе.

Марла тут же вспомнила, чего ей стоила каждая попытка подмешать королю дурманящие травы. Она прибегала к немыслимым уловкам и ухищрениям, врал, изворачивалась, льстила, унижалась.

А рецепт порошка?

Бесконечная череда бессонных ночей, проведенных над склянками, многочасовые поиски нужных трав в лесах Вольденгории. Но никто этого не ценит и не помнит.

Марла бросила недовольный взгляд на Илайну, которая сидела с оскорбленным видом.

– Подумаешь, пришлось приласкать... И что тут такого сложного? Корона же с тебя не упала, – проворчала Марла.

– Сама бы попробовала, – огрызнулась та. – Хотя... – Илайна ехидно улыбнулась, – ты, может, и не прочь. Когда в твоей постели был мужчина? Лет сто назад? Тебе бы и Хэйвард сгодился.

Илайна от души расхохоталась, представив себе Марлу, кокетничающую с Хэйвардом, но, вспомнив о ночах, проведенных с ним, содрогнулась.

Хоть Хэйвард после преображения показался ей похожим на Альвисса, она даже воодушевилась и почувствовала что-то вроде симпатии и волнения, но ненадолго. Оставшись с ним наедине, быстро поняла – до старшего брата ему далеко. Внешнее сходство неоспоримо, голос, манера речи, жесты тоже похожи. Но все же он оказался копией Альвисса. Бледной копией.

И к тому же не был женат на ее сестре.

Выходит, все, что не принадлежит Тайнаре, не интересно Илайне.

А еще Хэйвард обожал ее. До слепого безрассудства и полной покорности, практически до рабского поклонения. Тюфяк, а не мужчина. Даже его руки вялые, потные и противные, объятия слабые, а поцелуи слюнявые. Как собака в порыве искренней любви облизала.

Илайна сделала большой вдох, пытаясь прогнать волну омерзения, поднимавшуюся изнутри. Ей приходилось стараться, чтобы Хэйвард засыпал беспробудным сном, и она могла осуществлять планы. Дрожа от ненависти и от всего сердца желая, чтобы король потерял разум, она каждую ночь мазала его лоб слезью Мортуса, а днем добавляла ее во всю еду и напитки. И ждала.

С каждым днем Хэйвард глупел, бледнел, терял силы, но все еще пытался сопротивляться. Попытки становились все слабее и к концу уже напоминали трепыхания, а не проявления силы воли.

И наконец-то сегодня Илайна убедилась в том, что все получилось. Королю сложно даже держать глаза открытыми, не то что пытаться вмешиваться в управление страной. Второй день подряд он спал, просыпаясь только для того, чтобы поесть. И те жалкие крохи разума, что были при нем раньше после снадобий Марлы, покинули его.

Хэйвард теперь больше похож на человека, прочно стоявшего одной ногой в могиле.

И Илайна сделает все, чтобы он оставался там как можно дольше, а может, и лег туда целиком.

Скоро...

Глава 7

Снова раздались шаги. Сторожевые нити слабо засветились, предупреждая о приближении посетителей.

Крис устало приподнялась на топчане.

Эта Илайна, чтоб ее... Последние недели приходит по несколько раз за день. Можно сказать, практически не выходит из камеры. Полтора месяца назад, сообщив министрам шокирующую новость, что ей удалось напасть на след пропавшей дочери, Илайна принялась за приведение внешнего вида Крис в порядок.

Нельзя предъявлять министрам замученное, грязное, оборванное существо. Она должна блистать, да так, чтобы похотливые министры начали ронять голодную слюну на пол и из шкуры вон лезть в стремлении заполучить трон и юную прелестницу в придачу.

В первый же день глухонемые слуги принесли в камеру чан и натаскали в него воды. Марла самолично вымыла Кристайн, десять раз промыв ее волосы и начисто отскоблив кожу настолько яростно, что к концу мытья та горела огнем.

Затем ее с ног до головы намазали маслом и кремами, чтобы хоть немного смягчить огрубевшие участки тела. В волосы втерли бальзам из трав, подстригли и отполировали ногти.

Крис сначала пыталась сопротивляться. Она села на топчан, отвернулась лицом к стене и заявила, что лучше умрет, чем погрузится в чан с водой.

Марла и бровью не повела. Просто крикнула братьев близнецов и сладким голосом попросила их о помощи.

Крис, поняв, что братья не будут церемониться, мигом сдерут с нее остатки рваной одежды и насильно сунут в чан, тут же присмирела. Запретив себе реагировать на происходящее, она застыла, словно кукла, позволяя Марле заниматься ее внешностью.

Пришедшая к вечеру этого же дня Илайна была довольна.

– А все не так уж и плохо! Совместными усилиями мы приведем ее в божеский вид. Я теперь уверена, что мы успеем к шестнадцатилетию. Это даже символично – воскрешение в день рождения! Этим мы сразу развяжем министрам руки. Не будет никаких препятствий для брака.

Илайна рассмеялась. Смех прокатился по камере, заставив Крис привстать. Она и не слышала, чтобы ее тетя так смеялась. Как человек. А не как злобная ведьма.

Но такой смех продолжался недолго. Звонкие ноты вскоре сменились злорадным фырканием. Илайна погрузилась в мечты.

– Марла – ты чудо! – все еще улыбаясь мыслям, сказала она.

Марла, засияв от ставшей такой редкой похвалы, принялась за Крис с удвоенным рвением, не давая той ни минуты покоя. Изо дня в день она только и делала, что занималась улучшением внешности наследницы. Вся камера пропахла благовониями и запахами разнообразной еды, которой старая няня пичкала Крис.

– Ты больно худа, – ворчала Марла, заставляя Кристайн есть, – мужчины падки на более аппетитные формы. Ты должна стать такой соблазнительной, чтобы у них дух захватило. Чтобы похоть затмила ум. Он-то нам как раз не нужен. Чем меньше министры будут вникать в наши замыслы, тем лучше.

Марла все еще боялась, что министры могут потребовать присутствия короля. Или приведут лучших врачей для него. А этого допускать нельзя. Любой врач сразу заподозрит неладное. У Илайны не хватит сил заставить всех верить только ей. Поэтому нужно начисто отбить у министров желание о чем-то размышлять.

И Марла приносила еще еды. Блюдо за блюдом, лакомство за лакомством.

Крис послушно жевала, чувствуя себя свиньей. Как и несчастное животное, ее тоже готовили на убой. Она ела и равнодушно думала о том, что теперь нет смысла бежать. От сытной еды и почти спокойной жизни ее тело округлилось – появились отчетливые женские формы, подросла грудь. Все эти прелести уже не скроешь под одеждой.

Благодаря усилиям Марлы изменилось не только тело.

Волосы, в которые ежедневно втирали разнообразные лечебные бальзамы, значительно отросли и были ниже лопаток. Они стали густыми, шелковистыми, закрученными в тугие локоны.

Да если ей и удастся выбраться из замка, в чем Крис сомневалась, справедливо опасаясь того, что уже не сможет пролезть через узкую шахту, то ее схватит первый встречный. Поимка девушки запретного возраста до сих пор оставалась мечтой многих вольденгорцев.

От всех этих мыслей, суеты, удушающих запахов, скрипучего голоса Марлы, которая не замолкала ни на секунду, делясь мечтами о жизни в теплых странах, у Крис болела голова. А еще этот странный жар никак не проходил. Лоб часто горел, словно его хорошенько натерли.

И безразличие, которое удалось победить в тот день, когда из вентиляционного окошка доносились звуки, снова вернулось.

Потому что звуков больше не было. Никто не собирался спасать Крис. Она никому не нужна. Ее больше ни для кого нет. Все ее забыли.

И Агнетта, и Лейф, и... Стэйн. Тот вообще постарался вычеркнуть ее из памяти, стыдясь того, что когда-то встретил Крис на жизненном пути.

Лишь какое-то животное едва не забрело в тюрьму. Но, в отличие от нее, родилось под счастливой звездой и избежало незавидной участи. Заслышав голоса, зверек убрался восвояси, наверх, к свежему воздуху и свободе.

Крис уже и не помнила, что это такое – свобода. Когда принадлежишь себе и дышишь чистым воздухом, беззастенчиво, ни о чем не думая, наслаждаясь морскими просторами.

Стены давили на нее, наступали, не давали вздохнуть. Не хотелось ничего. Только покоя.

Крис потеряла руками виски и застыла, глядя на дверь.

– И спящей не притворишься, – тяжело вздохнула она и села.

Марлу и тем более Илайну никогда не волновал какой-то там сон. Они, не церемонясь, стаскивали Кристайн с кровати и продолжали готовить к счастливому «воскрешению».

Дверь распахнулась.

Распространяя аромат духов, уверенности и всевластия, в камеру быстро вошла Илайна.

– Подойди, – повелительно бросила она.

С ключевого дня больше не было доброй или злой Илайны. Теперь она одинаковая: жесткая, расчетливая и равнодушная.

– побыстрее! – полетела новая команда.

Илайна даже притопнула ногой.

Крис нехотя сползла с топчана.

– Вид уже получше. Гораздо лучше, – удовлетворенно произнесла Илайна, внимательно осмотрев полуодетую Кристайн со всех сторон.

– На! Одевайся!

В Крис полетел ворох тряпок. Механически подхватив его, она аккуратно положила одежду на топчан. И похолодела.

– Неужели уже сегодня? – тихо спросила она.

Внутри все затряслось от ужаса. Чем больше Крис думала о том дне, когда останется один на один с мужем, навязанным Илайной, тем страшнее становилось. Она слышала обрывки разговоров мальчишек на пристани, которые любили пообсуждать взрослые дела, да видела, как портовые грузчики грязными ручищами лапают молоденьких торговков, и сделала вывод, что в этом нет ничего хорошего. По крайней мере, для нее. Чувствовать на себе похотливые руки чужака... Мерзкого старика... Крис задрожала еще больше.

– К сожалению – нет, – рявкнула Илайна.

Крис кое-как сдержала рвущийся наружу вздох облегчения.

– Отмыть – отмыли, откормить – откормили, но вот твои манеры... Они ужасны. Мальчишка и есть мальчишка. Ты... Ты губы после еды вытираешь рукавом. Какое бесстыдство! За километр несет беспризорщиной. Осталось в носу поковыряться. Нужно вытравить все эти привычки. Министры должны сойти с ума от твоей элегантности и утонченности.

– Не вытравишь. – В Крис словно проснулся тот мальчишка, которым она была, бегая по пристани.

Она нахально плюнула на пол, немного втянула шею в плечи, ссутулилась и сунула руки в карманы, легко приняв позу бродяжки. Даже взгляд изменился. Стал вызывающим.

– И ничего я мерить не буду!

– Мне позвать Дана или Бо? Кто из них тебе нравится больше?

Илайна и не думала злиться на выходку Кристайн, а просто усмехнулась:

– Ну! Выбирай. Они быстро тебя и разденут, и потом оденут. И кто знает, что между этими двумя процессами сделают. – Ухмылка стала такой широкой, что Кристайн захотелось плюнуть еще раз, но теперь прямо в лицо самозванки.

Потянувшись к одежде, она вытащила нижнее белье, чулки и хорошенькое белое платье с детскими рюшами и воланами, но с таким вырезом на груди, что Крис залилась краской.

– Оденем тебя так, чтобы у них мозг взорвался. И невинно, и в то же время весьма многообещающе.

Илайна даже руки потерла, замерев в предвкушении:

– Я жду!

Крис стыдливо отвернулась к стене. Стянула с себя рубашку, старые штаны. И огорченно вздохнула. Перо, обычно разливающееся искрами в лучах солнца или при свете лампы, теперь молчало. Да и рисунок стал блеклым. Словно выцвел на солнце.

«Мне все приснилось, – пролетело в голове. – Теперь я в этом уверена. Нет никаких айн. Иначе перо не бросило бы меня...»

В измученной голове не возникло ни одного логичного вопроса.

Хотя бы: зачем Илайне нужно это перо? Ведь если айн не существует, то и пера наследия нет.

Но Крис лишь злилась, что когда-то позволила себе поверить в сказку.

Сказки на то и сказки. Выдумки, фантазии и предрассудки. Только наивные мечтатели верят в них. А Крис уже давно не была наивной. И забыла, что такое мечты.

Отбросив в сторону рубашку, дрожащими руками она натянула нижнее белье и начала неловко надевать платье.

– Осторожней! – прикрикнула Илайна. – Не разорви.

Крис и впрямь запуталась в крючках, завязках и пуговицах.

– Какая же ты криворукая. – Илайна развернула ее к себе и выдрала из вспотевших рук платье.

Та моментально прикрылась.

– Не зли меня! Убери сейчас же! – Илайна стукнула ее по рукам. – Вот сюда голову, вот сюда руки.

Насильно оторвав руки Крис от груди, Илайна принялась внимательно осматривать ее.

Лицо, шея, руки Крис залились краской так, что коже стало горячо. Словно обдало паром от банных камней.

– Хороша, – то ли похвалила, то ли позавидовала Илайна, беззастенчиво разглядывая, оценивая фигуру девушки.

Та снова дернулась, пытаясь хоть как-то прекратить унижение.

– Стой смирно, – рявкнула лжекоролева и начала натягивать на нее платье, чувствуя, как лицо запылало еще больше, чем у Крис.

Но не от смущения, а от ярости.

Увиденное не понравилось ей. Эта девчонка молода, свежа, в то время как она с каждым годом теряет красоту.

Когда же уже это проклятое перо будет в ее руках? Первым делом она вернет себе молодость.

От злости по лицу снова побежали буквы. Черные с ярко-алой каймой.

Илайна сделала глубокий вдох. С каждым днем все труднее сдерживать эмоции. Она может выдать себя, просто вспыхнув от злости при посторонних.

А это совсем некстати.

Рано.

Пока очень рано.

Еще раз глубоко вдохнула спертый воздух. Жар начал спадать. И когда взлохмаченная голова Крис наконец-то вынырнула из ворот, на нее смотрела нормальная Илайна. Разве что синяки под глазами появились.

Рывком развернув Крис, Илайна начала быстро застегивать крючки. Затем, уперевшись ногой в стену, затянула ленты на корсете, заставив девушку сдавленно охнуть. Корсет стянул талию так туго, что Крис никак не могла вздохнуть.

Илайна отошла на шаг и удовлетворенно хмыкнула. Белоснежное платье сделало порученное ему дело и даже превзошло все ожидания.

Кристин, утонув в рюшах, кружеве и воланах, стала похожа на куклу-невесту. Такая же невинная, хрупкая и красивая. Но тугой корсет стянул узкую талию и приподнял маленькую грудь так, будто она вот-вот выпрыгнет из лифа. Сразу ясно, что это не покорная кукла, а полная жизни и желания соблазнительная девушка. И заодно тайных обещаний, что манили заглянуть в глубокое декольте.

Успех обеспечен.

– Дан! Бо! – крикнула Илайна.

Вся кожа Крис покрылась мурашками.

В чем дело? Зачем звать телохранителей? Она же все сделала, как от нее требовали.

Заскрипела дверь, и близнецы втащили стулья, а затем стол, на котором была разложена куча приборов.

Аккуратно поставив стол на пол, чтобы ни одна ложка не звякнула, братья, как по команде, уставились на Крис.

Глаза сразу налились похотью и вожделением. Дан (или это Бо? Крис до сих пор не научилась различать их) даже облизал губы, проведя по ним языком медленно, вызывая, бесстыдно, что Крис чуть не стошнило.

Отступив в темный угол, она прикрыла полуобнаженную грудь руками.

– Какая сочная курочка! – пробормотал один из братьев.

Видя их ничем не прикрытую реакцию, Илайна сначала растерялась. С одной стороны, она добила того, чего хотела. Уж если молодые, полные сил парни, не обделенные страстным вниманием горничных и кухарок, потеряли всякий стыд при виде Крис, напроочь позабыв, что в комнате присутствует и их госпожа, то что уж говорить о стариках, соскучившихся по женским прелестям?

Но, с другой стороны, как они посмели? Открыто реагировать на девчонку при ней?

Илайна всегда считала, что братья влюблены в нее до беспамятства, но не была наивной и закрывала глаза на их похождения из одной постели в другую. Желание плоти и чувства – это разные вещи. И если удовлетворения первого, по ее мнению, требовали животные инстинкты, то второе – нечто более возвышенное.

Единственным условием была явка по первому зову, в чьей бы постели они ни кувыркались. Полагалось немедленно бросить все и явиться к госпоже.

И не смей кого-то тискать при ней. Братья знали это и неукоснительно соблюдали все правила, чинно обходя горничных, чьи глаза горели при виде гигантов.

Соблюдали... до сегодняшнего дня. Еще немного, и они набросятся на Кристайн. Вон в глазах уже появилась неконтролируемая похоть.

Братья переглянулись друг с другом, мысленно спрашивая: кто первый?

– Свободны, – громко рявкнула Илайна, чтобы показать недовольство.

Тишина.

Дан и Бо застыли столбом, не сводя горящих глаз.

– Вон отсюда! – заорала Илайна.

Буквы тут же вспыхнули на лице, обезобразив ее.

К своему ужасу, Крис впервые увидела, как изо рта Илайны вслед за последним словом вылетел сгусток тьмы. Мгновенно растянувшись в воздухе, он разделился на две одинаковые части, которые быстро подлетели к братьям. Они и не успели подумать о том, что надо увернуться. Пара секунд, и разделившиеся сгустки, превратившиеся в кляксы черного густого дыма, врезались в их лица.

– А-а-а! – синхронно завопили оба.

Потеки черной, уже знакомой Крис слизи обезобразили их кожу.

«Вон отсюда!» – с содроганием прочитала Крис.

Потеки выстроились в хорошо различимые буквы, и кривоватая надпись перерезала лица наискосок.

– Боже мой! – одними губами прошептала она.

Буквы тем временем начали пузыриться, источая едкий, режущий глаза дым.

– Убирайтесь! – снова закричала Илайна.

Увидев очередной сгусток тьмы, братья не стали ждать, когда он долетит до них. Развернувшись, они торопливо выбежали из камеры, проклиная себя за то, что не сделали этого раньше, и радуясь, что буквы слегка опалили кожу, а затем рассыпались в пыль. Госпожа всего лишь проучила их, не стала уродовать на всю жизнь.

Крис беспомощно следила за тьмой, которая потеряла цель и заметалась по тесной комнатке, то и дело натываясь на стены. Девушка забила в угол и на всякий случай закрыла голову руками.

«Вот кто настоящий дьявол. Исчадие ада. Порождение тьмы».

– И долго ты будешь там стоять, – донеслось до нее раздраженное и такое злое, что она поторопилась открыть глаза.

Перед ней стояла самозванка, растянувшая рот в насмешливой улыбке.

– Ну что ж! Приступим. – Как ни в чем не бывало, Илайна отодвинула стул и, расправив складки платья, грациозно села. – Будем превращать неотесанное бревно в человека.

Лжекоролева кивнула Крис на стул, стоявший напротив.

– Садись! И побыстрее. У нас осталось всего две недели.

Крис вздрогнула. Сверкающие столовые приборы, разложенные на столе, слились в одно большое блестящее пятно, а руки стали ватными.

Неловко взяв ложку, она тут же уронила ее. Та с грохотом приземлилась на каменный пол.

Буквы вспыхнули на лице Илайны.

Судорожно глотнув в попытке успокоиться, она севшим голосом произнесла:

– Вот убогая!

Глава 8

– Надо попробовать.

Крис лежала на топчане, лениво ошипывая гроздья винограда, которые ей оставила Марла.

– В винограде много сахара. Ешь! Быстрее наберешь вес, – нравоучительным тоном проговорила старуха перед уходом.

Крис по привычке возмутилась, пообещав себе, что не притронется к лакомству, но вот уже целый час бездумно пялилась на стену, а руки забрасывали в рот ягоду за ягодой.

– Надо встать и снова попробовать растянуть эти треклятые нити, – чуть громче повторила Крис, надеясь, что звуки ее голоса смогут прогнать лень и равнодушие, завладевшие ей.

– Немедленно вставай! – уже рявкнула она.

И тут же вскочила, да так стремительно, что чашка с виноградом упала на пол. Ягоды разлетелись по всей комнате.

С вентиляционной шахты вновь посыпались камни. Кто-то определенно пробирался по ней.

«Неужели!» – безумная надежда снова вспыхнула в душе, попутно опалив предстоящим разочарованием.

Это животное. Точно оно. Больше никому.

Оглянувшись на дверь, Крис попыталась успокоить разошедшееся сердце.

Поздний вечер, к ней никто не придет. Обычно все визиты заканчивались ужином, затем что Марла, что Илайна забирали лампы и уходили, оставляя Кристайн небольшой светильник, чтобы та как можно раньше ложилась спать. Ведь всем известно, как здоровый сон благотворно влияет на внешний вид.

Новая порция камней, настолько много, что Кристайн набрала полные ладони.

Спешно ссыпав их под топчан, она прижалась к стене и встала на цыпочки. Нити немного натянулись. Не обращая на них никакого внимания, Крис взобралась на первые камни, торчащие из стены. Ноги и руки привычно нащупали нужные выступы.

– Кто здесь? – громким шепотом спросила она.

Очередная горсть камней послужила ответом. Крис кое-как успела отклониться. Иначе потом бы долго пришлось объяснять, почему ее волосы в пыли.

– Кто здесь? А ну, говори! Быстро! – сказала она, добавив в голос угрозы.

– Крис – это ты? – услышала она в ответ.

Сердце замерло, затем забилося так быстро, что Крис едва не задохнулась.

«Боже мой!» – пронеслось в голове.

– Крис? – снова раздалось из шахты.

Крис тут же узнала голос Лейфа.

«Они пришли за мной! Они меня не бросили!»

Сердце колотилось так, что стало больно ребрам. Во рту пересохло, и Крис из последних сил выдавила из себя полузадушенное:

– Да! Это я!

– Крис! – В этом тихом возгласе было столько плохо сдерживаемой радости и счастья, что глаза девушки наполнились слезами. – Ты один? – на всякий случай уточнил Лейф.

– Да! – Крис никак не могла справиться с комом в горле, который грозил задушить ее. Даже такое легкое слово причинило боль, ободрав саднившее горло.

Из шахты снова посыпались камни. Следом за ними, тихо шурша, сползла толстая веревка с завязанными на ней большими узлами. В полумраке Крис сначала привиделось, что это змея. Она уже хотела отпрыгнуть, но потом разглядела узлы и внутренне посмеялась над такой детской реакцией. Змея, говорящая голосом Лейфа... Она точно одичала здесь, в этой камере.

И вот из отверстия показалась коротко остриженная голова Лейфа.

Напрягая глаза в тусклом свете, девушка уставилась на мальчишку, не веря самой себе. Она и не замечала, как по лицу бегут слезы. Много слез. Словно прорвало плотину.

– Может, перестанешь на меня глазеть и поможешь! – тихонько сказал Лейф и широко улыбнулся.

Кое-как сдерживая рыдания, Крис рванула к нему.

Лейф вытянул руки, оперся о ее плечи и так, головой вперед, бесстрашно нырнул в ее объятия.

Та, приняв на себя весь вес мальчишки, не удержалась. Сделав несколько шагов назад, вместе с ним рухнула на пол, отбив спину, копчик, мягкое место, да еще и приложившись затылком.

– Ай! – воскликнула она.

– Извини. – Лейф тут же вскочил и протянул ей руку. – Мне, в отличие от тебя, было мягко. Ты, смотрю, не такой уж и костлявый, как раньше. Не сильно ударился?

– Вроде нет. – Крис, кряхтя, поднялась, на ходу потирая и затылок, и поясницу одновременно. – Ты как здесь? Откуда? Как ты меня нашел?

Вопросы посыпались один за другим.

Лейф, счастливо улыбаясь, вытянул ладони перед собой, положил их на плечи Крис и тихонько сжал.

– Потом, друг, все вопросы потом! Сейчас надо выбираться отсюда. Там нас ждут. Я протащил с собой веревку, так что будет легче. Ну же, идем!

Крис тут же поникла. Рыдания стиснули грудь.

– Ну! Ты чего застыл?

– Я не могу! – наконец-то выдавила из себя Крис. – Я связана.

Сказала и прикусила себе язык. За столько времени она отвыкла говорить о себе от лица мальчишки.

– Связан, – быстро протараторила Крис и попыталась отступить в темный угол, но Лейф схватил ее за руки.

Могла бы и не исправляться.

Мальчишка не обратил никакого внимания на оговорку. Он деловито осматривал руки и ноги Крис в поисках цепей, кандалов или веревок. В отличие от Крис, его не волновали какие-то там оковы. У него с собой не только веревка, но и нож, и целый набор отмычек, которыми его снабдила Агнетта вместе с умением открыть любые запоры.

– Где? – Лейф чуть не сломал глаза, пытаясь в полумраке отыскать, чем же связан его друг, но ничего не нашел. – Покажи. Я смогу открыть любой замок, – хвастливо добавил он.

– Этот не откроешь.

– Я-то! – Лейф присвистнул. – Ты не видел меня в деле! Если хочешь знать, я превзошел саму Агнетту.

Это было сказано с таким видом, словно Агнетта была знаменитым взломщиком, признанным во всем мире. Хотя для юного Лейфа она такой и была.

Крис, не зная, как объяснить, дотронулась до обруча. Он тут же угрожающе покраснел, а вслед за ним засветились и сторожевые нити. Комната озарилась зловещим красным светом. Фигуры Крис и Лейфа отбросили на стены искаженные вытянутые тени. Стало жутко. Особо Лейфу. Он вытаращил глаза и попятился. Наткнувшись на топчан, мальчишка со всего размаха сел на него.

– Это все та же дьявольщина? Что утащила тебя вместе с Усачом? – прошептал он.

– Можно сказать, что да. Это она, – уныло ответила Крис.

– И как от них избавиться? – Лейф кивнул в пустоту, потому что нити, выполнив миссию, потухли.

– Пару месяцев назад это было возможно. Теперь, увы, нет.

– Это еще почему? – вскинулся Лейф. – Говори, что нужно делать, и я тебе помогу.

– Их можно попытаться растянуть, но я давно этого не делала... делал. Да и зачем? Я теперь не смогу пролезть через шахту.

Сказав, Крис все-таки зашла в тень. Она была готова провалиться сквозь землю, даже согласна оказаться у Мортуса, главное – подальше отсюда. За ней пришел ее друг. Он рискнул всем. Он сунул голову в петлю в прямом смысле этого слова, ведь за организацию побега любого королевского узника – немедленная казнь. А если сбежит она...

Страшно подумать, какие пытки применит Илайна, если ей удастся поймать сообщников. Точно сдерет кожу заживо. Или подвесит над костром, чтобы жаркое пламя по миллиметру съедало плоть. Или прикажет распять на дыбе. Способов много, все они разные, но одинаково страшные, беспощадные и жестокие. Ее друзья знают об этом. Но все равно пришли за ней.

А она...

Мало того что бросила все попытки растянуть нити, еще и объедалась все это время. И как ее не разорвало от всех этих сладостей, выпечки, сытных блюд...

А еще она продолжает врать. Притворяться мальчишкой. Беспризорником. Несчастным сиротой, которого королева подозревает в краже и из-за этого сажает под замок.

«Так нельзя с друзьями. Какой стыд», – пролетело в голове.

– Почему не сможешь? – удивился Лейф, и не подозревая о бушевавшей в груди Крис буре, состоящей из раскаяния, самобичевания и мук совести. – Раньше же смог, и теперь сможешь. Я вон легко пролез, – похвастался он и смутился. – Правда, не сразу.

Первые неудачные попытки расстроили мальчишку, и Лейф предпочел бы не вспоминать о них. Он же видел себя таким спасителем. Старшие нашли и расчистили лаз, а он... он сделал главное – ворвался в камеру и спас Крису.

Но действительность оказалась не такой героической. Вспомнив об этом, мальчишка горестно вздохнул.

Бесстрашно забравшись в шахту, Лейф столкнулся с проблемой. Она оказалась под завязку забита мусором. Из-за того, что шахта шла неуклонно вниз, вытаскивать мусор оказалось настолько сложно, что на расчистку друзья убили много времени. Кроме того, ныряя в шахту за очередной партией, он частенько путался в веревке, а однажды вообще с грехом пополам выбрался наружу, случайно стянув ноги прочной петлей. Это стало еще одной проблемой. Лейф никак не мог приноровиться ползать туда-обратно еще и с мусором в руках и при этом контролировать положение веревки. После того как Сварт надоумил его завязать

на веревке узлы и двигаться по ним, стало намного легче. Наконец им удалось справиться со всеми препятствиями, и вот – Лейф здесь!

– Вот наши обрадуются, – прогнав воспоминания, он счастливо улыбнулся.

Его улыбка, такая искренняя, озарила не только камеру, но и сердце Крис.

– Наши? – Она на время забыла про угрызения совести. – Расскажи, как они?

– У Агнетты со Свартом все хорошо, у них этот... роман, короче, – Лейф усмехнулся. – Обнимаются и хихикают, как дети, ей-богу! Тайно. Когда понимают, что я их случайно увидел, то краснеют и смущаются. Стоит отвернуться, как снова обнимаются. Будто я ничего не вижу и не понимаю. Спросил у Агнетты, а она как давай все отрицать. Я чуть со смеху не умер. Вот врушка-то, а!

«Знал бы ты, кто у нас главная обманщица», – подумала Крис и тяжело вздохнула. Совесть словно этого и ждала, и вновь вгрызлась в незащищенное сердце.

– А Стэйн? – как Крис ни старалась, голос все же дрогнул.

Лейф издал полувздых, полувсхлип.

– А брат пропал.

– Как пропал? – Крис почувствовала, как тревога сжала горло.

– Как-как? Сами не знаем как... Это ж он привел нас сюда. Мы долго искали дыру в стене, через которую ты спасся. Там за это время набросали столько мусора. Горы... А зимой все замерзло. Мы сунулись, но не смогли оторвать ни один тюк. Все намертво примерзло.

– Зачем? – не поняла Крис. – Зачем вам отрывать тюки?

– Так дыры-то не было. Завалили его мусором. На несколько метров закопали.

– Что? – Крис едва не задохнулась от страха.

Выходит, правильно она сделала, что не полезла в шахту. Ведь в конце пути тупик. И все мучения были бы напрасными. Боль, незаживающие ожоги, содранные ладони... Как хорошо, что у нее есть друзья.

– На несколько метров, – подтвердил Лейф. – Сюда стали свозить мусор со всего Ходвиля. И то верно. Зачем увозить отходы далеко, когда можно сбрасывать в овраг, – скривился он.

– Свозить мусор, – эхом повторила Крис.

Она вдруг почувствовала себя заживо погребенной. Эта шахта в мыслях всегда являлась своеобразной нитью, связывающей со свободой. А свобода оказалась иллюзией.

– Можно железным ломом или топором, но тогда мы бы наделали столько шума... Короче, Сварт сказал, что смысла что-то делать нет. Надо ждать, когда все оттает. Весна еще, как назло, была такая поздняя. В общем, лишь летом мы смогли начать. Потом долго не могли отыскать вход. Видел бы ты Стэйна. Он греб мусор как сумасшедший. Голыми руками.

Лейф присвистнул, не скрывая восхищения братом.

Крис против воли тихонько улыбнулась.

– Ничего! Мы справились. Но нам постоянно мешали. То слуги, то ходвильцы. Сами горожане-то не страшны. Они, как и мы, на свалке бывают украдкой. А вот слуги пытались нас прогнать. Мы боялись, что они могут позвать королевскую стражу.

Крис поежилась. Это же сколько пришлось вытерпеть ее друзьям...

– Как пропал Стэйн? – задала она мучивший ее вопрос.

– Я не знаю. Брат был на другом конце ямы, следил, чтобы нас никто не засек, и не вернулся. Наверное, гвардейцы Усача схватили.

– Усача? – тупо повторила Крис и вздрогнула. – А он-то что здесь забыл?

Она испуганно обхватила себя руками. Подполковника она боялась не меньше Илайны с Мортусом. Было в нем что-то дьявольское, жуткое...

– Ага! Ему будто кто-то подсказал, что мы задумали организовать побег. Сначала все было тихо-мирно. Только слуги вываливали мусор, да и те быстро убегали. Вонь там, конечно,

жуть... Они хоть и покрикивали на нас, но им все равно. Кому есть дело до бродяжек, роющихся в отходах?

Крис жалостливо посмотрела на худенького измученного Лейфа, живо представив его, шатающегося от голода, таскающего тяжелые вонючие мешки. Короткая стрижка, грязные запыленные волосы, к тому же покрытые сажей настолько плотно, что ни за что не разобрать, какого они цвета, большие глаза, на похудевшем лице казавшиеся особенно огромными, руки-палочки, пальцы-спички... Вот он как раз и был похож на тощего цыпленка, а не она. Она сейчас скорее напоминает откормленную жирную...

Крис, занявшаяся самобичеванием, не успела додумать мысль.

– А потом появился он! – зло сказал Лейф.

– Сам? Лично? – ахнула она.

– Собственной персоной, – мрачно подтвердил мальчишка, – привел кучу гвардейцев. И как давай командовать. От его воплей голова пухла. За пару часов они окружили весь замок. Затаились. Сразу стало ясно, что кого-то ждут. Скорее всего, нас. И нам пришлось на время прервать работы и спрятаться в лесу.

– Что значит прервать? Вам надо было бежать. – Крис пришла в такой ужас, что вцепилась в руку Лейфа, так сильно сжав узкое запястье, что тонкие косточки хрустнули. – Хватит разговоров. Бегите. Немедленно. Усач переловит вас всех!

– Вот еще! Устанет ловить! – Лейф осторожно отнял руку и потер запястье. – Не бойся. Сюда они не особо суются. Кому хочется обыскивать помойку? Гвардейцы обходят яму по краю и дают деру. А Усачу докладывают, что каждый сантиметр проверили. Вояки! В лес не суются, поэтому он полностью наш. Сама знаешь, какие там чащобы.

Лейф, прямо как брат, сунул руки в карманы и брезгливо плюнул на пол.

Это сходство ножом полоснуло по занявшему сердцу.

– Видел бы ты, в какой был ярости Усач. Он каждый день орал на гвардейцев, что те приходят с пустыми руками.

Лейф вздрогнул. Он тоже, как и Крис, до одури боялся Усача. Это сейчас храбрился.

Его зловещая репутация быстро докатилась до лазарета. Все малолетние бродяжки, получившие увечья, попадали в монастырь и на ночь вместо страшилок рассказывали перепуганному мальчишке про Лютого Усача. Из года в год рассказы обрастали новыми, все более жуткими подробностями, пока не создали в воображении Лейфа настоящее чудовище с длинными усами.

Увидев, как тот изливает гнев на подчиненных, щедро отвешивая тумачи, Лейф стал бояться его еще больше. Воображаемое чудовище ожило.

Переведя дух и усилием воли прогнав дрожь из голоса, Лейф продолжил:

– Мы все это время прятались в лесу и ждали. Наконец-то они выдохлись. Основной отряд убрался вместе с Усачом, осталось всего несколько засад. И мы снова начали поиски. Столько времени зря потеряли...

– Зачем вы рисковали? Ведь ушли не все.

– Ха! Да с нашей стороны никто караулить не хочет. Они спорят так, что заслушаешься. Пару раз дело даже доходило до драки. В итоге на дежурстве остается самый слабый, да и тот, чтобы заглушить вонь, напивается до отключки, а потом дрыхнет. Тоже мне... И кто еще кого потом караулит? Он спит, а мы по очереди за ним следим. Ну и мусор таскаем.

– И они поймали Стэйна? – Крис прижала руки к груди.

– Наверное. – Лейф шмыгнул носом. – Сварт нас учил, как нужно распознавать, где сегодня схоронились гвардейцы. Но это же Стэйн! У них со Свартом случилась взаимная нелюбовь. Терпеть, короче, не могут друг друга. Вот Стэйн и делал все по-своему и, видимо, попался в руки гвардейцев.

Крис судорожно вздохнула.

– Мы долго искали. Не нашли. Мы и приют с каменоломнями, и лазарет проверили. Стэйна нигде нет. И в городскую тюрьму он не поступал. Сварт знает там одного из продажных охранников. Мы дали пару вольденов, и тот проверил списки.

Крис сначала обрадовалась. Про городскую тюрьму ходило еще больше жутких слухов, чем о монастырском лазарете для бедняков. В ее стенах выживал сильнейший. Драки не только не разнимались, но и поощрялись. Охранники стравливали заключенных и ставили на них деньги, наслаждаясь жестокими боями. Первая мысль о том, что Стэйн может быть там, привела ее в ужас. Как хорошо, что друга миновала эта участь. С его-то кулаками, молодостью и физической силой он сразу бы стал одним из претендентов на очередную бойню.

Но затем Крис задрожала. Если Стэйна нет ни в лазарете, ни в тюрьме, ни на каменоломнях, то где он? Ответ напрашивался сам собой. До того жуткий, что Крис запретила себе думать.

– Мортус! – имя звероподобного нечто все же успело сорваться с мгновенно пересохших губ.

Оно прозвучало тихо, практически незаметно, но от этого не менее зловеще. Прошелестев в тишине, растворилось, по пути обдав зловонием и оставив на коже Крис миллионы ледяных мурашек.

Лейф же ничего не услышал, не почувствовал и продолжал рассказ как ни в чем не бывало.

Не найдя Стэйна, они вернулись к южным стенам замка и снова приступили к работе. Если парень сбежит, то точно придет на мусорку. Он знает, что ребята сделают все, чтобы спасти Крис.

Лейф протяжно вздохнул. В его усталом, надломанном голосе послышались слезы.

– Он сильный. Он справится.

Крис обхватила себя руками, пытаясь совладать с эмоциями. За последние пару минут она успела и обрадоваться, и перепугаться до смерти.

– Что делать-то будем? – Лейф вытер нос рукавом.

Взгляд внимательно ощупал фигуру Крис.

– А ты и вправду изменился.

Крис смутилась.

– Понимаешь, – промямлила она, – я вырос.

– Да, вижу. Вырос – не то слово, – присвистнул Лейф. – И волосы опять... как у девчонки.

– Я и есть девушка, – тихо прошептала Крис и вышла из тени, поплотнее запахнув драную рубаху.

Раздраженным движением головы она прогнала голос Маргрит, который взорвался от негодования.

«Что ж ты молчала раньше, когда мне было плохо? Когда я чуть не умерла? Когда я потеряла смысл жизни? Вот и молчи сейчас!» – мысленно огрызнулась она.

– Что? Как? Ну вообще! – Лейф никак не мог прийти в себя.

– И я не просто девушка.

Крис стиснула зубы, не обращая внимания на разошедшуюся Маргрит. Еще немного, и старая няня начнет кричать. В ее голосе прозвучало столько строгости, непоколебимости, негибаемой воли, что Крис дрогнула. Но на мгновение.

Хватит. Надоело. Лучшие друзья, рискующие всем ради нее, имеют право знать тайну. И Стэйну она все расскажет. Сразу после того, как найдет его.

Какая же она глупая. Разве Илайна сохранит Стэйну жизнь, услышав о том, что он не владеет тайной Крис? Да ей все равно. Попадись кто в руки самозванки, та щадить не станет. И уж точно не будет слушать ничьих оправданий.

– Я девушка запретного возраста. Та самая. Пропавшая дочь Альвисса и Тайнары. Кристайн Лангелан Ходвильская.

Как только отзвучали последние звуки ее голоса, замолчала и Маргрит. В голове стало странно пусто без ее укоризненных возгласов. Но Крис не расстроилась, она с беспокойством посмотрела на расширившиеся глаза Лейфа, который отчаянно пытался переварить информацию.

– Чума на мою голову! – наконец-то выдал он. – Я стою рядом с настоящей наследницей! Умереть не встать! Ну ты даешь!

Лейф уже хотел по привычке похлопать Крис по плечу, но рука остановилась, зависнув в воздухе. С девчонками так не пойдет. Подумав, он сунул руку в карман и широко улыбнулся:

– Ты мастер маскировки. Рехнуться можно.

Мальчишка уважительно покачал головой и тут же нахмурился:

– Теперь понятно, почему королева Тайнара за тобой охотилась. Ты ее дочь. Раз она тебя заперла, значит, действительно хочет убить? Выходит, в народе болтают правду?

– Можно сказать и так, – уклончиво ответила Крис.

Ей предстояло многое рассказать Лейфу. Очень многое. Она решила больше ничего не скрывать от друзей. Но не сейчас. Чуть позже.

– Тогда чего мы ждем? – завокнулся Лейф. – Надо немедленно выбираться отсюда.

– Я уже сказала, – простила Крис. – Я не могу покинуть замок. Я прикована к нему звуками. Пока он не замолчит, я буду здесь. А он не замолчит никогда.

Крис прикусила губу, вспомнив, что нити вообще-то можно растянуть, просто кое-кто последние месяцы только и занимался тем, что лежал, ел и спал.

Ей снова стало стыдно.

И правда, что это с ней?

Куда подевалась воля к жизни?

Подумав об этом и еще раз взглянув в глаза Лейфа, в которых бушевало помрачневшее от невеселых мыслей море, она решила:

– До совета две недели. Две недели я буду растягивать нити. И две недели я не буду есть ничего сладкого, жирного и прочей дряни, что приносит Марла.

– До какого совета? И зачем тебя пичкают едой?

– До совета двенадцати. На нем меня хотят принести в жертву, словно откормленного барана.

Глава 9

Крис пришлось нелегко. Марла бдительно следила за каждым кусочком, что та отправляла в рот. И Крис вынуждена была изворачиваться изо всех сил, чтобы есть как можно меньше. Непережеванные куски пищи Крис незаметно выплевывала в кулак и прятала по всем закуткам камеры. К концу второй недели в ней появился отчетливый запах, даже несмотря на нашествие крыс, которые с появлением Мортуса когда-то исчезли из подземелья замка.

Крис не знала, что с этим делать. Каждую ночь она боязливо поджимала ноги на топчане и слушала, как пируют крысы, поедая неожиданные, никогда ими ранее не виданные деликатесы. Их красные, горящие голодом и алчностью глаза преследовали Крис и наяву, и во сне.

С наступлением утра крысы исчезали. Потому что просыпался Мортус. Раздавалось утробное урчание, от которого стены подземелья немного дрожали. Через пару секунд оно сменялось чавканьем. Мортус, удивленный неожиданными гостями, не оставался в стороне. Он поедал крыс с невероятной скоростью, словно щелкал семечки, выплевывая шкурки на пол.

Крис не могла видеть, что происходило за стенами, но ее воображение услужливо подсовывало одну картину за другой. Чем сильнее писк, тем ужаснее картины. А когда вопли крыс сопровождались хрустом косточек... Она затыкала уши, чтобы ничего не слышать.

К счастью, чавканье вскоре прекратилось.

Умные твари быстро поняли, что в подземелье безопасно находиться лишь ночью. Ни одна из них не стремилась стать чьим-то завтраком и торопилась унести лапы, едва первый луч солнца падал на землю.

Тогда Крис могла немного поспать. Но недолго. Ведь у нее новая цель. Пролезть через вентиляционную шахту для того, чтобы найти и спасти Стэйна. Где бы он ни был. Даже в лапах Мортуса. В этом случае Крис, не колеблясь ни секунды, вернется в подземелье. Да она пойдет за другом хоть в адское пекло.

Беспокойство толкало ее, и, всего на пару секунд закрывая глаза, Крис снова вставала, чтобы начать изнурительные упражнения. Ведь нужно согнать с себя вес, услужливо подаренный выпечкой и шоколадом. Затем она растягивала нити, шаг за шагом подбираясь все ближе к вожаденному выходу. Ей приходилось быть очень осторожной, чтобы обруч не обжог шею, что обязательно заметила бы Марла.

После тренировки она засыпала беспробудным сном, да и в течение дня между посещениями Марлы и Илайны пыталась ухватить хоть кроху сна, чтобы набрать силы для новой страшной ночи.

Это оказалось в десятки раз сложнее, чем Крис представляла.

Она держалась изо всех сил, усилием воли вызывая перед мысленным взором лицо Стэйна. Да и Лейф помогал. Иногда поздними вечерами он пробирался к ней, приносил новости с воли, попутно заражая жизнелюбием и энтузиазмом.

От него Крис узнала всю историю друзей.

После того как она и подполковник испарились вместе с черной слизью, накрывшей их подобно гигантской волне, друзья никак не могли прийти в себя. Сбивало и то, что вместе с Крис пропала вся слизь. До последней капельки.

Земля приняла первозданный вид. Никаких трещин и разломов, вырванных с корнями кустов, деревьев, переломанных в нескольких местах так, словно это не могучие многолетние гиганты, а хрупкие спички. Кустарники стояли как ни в чем не бывало, даже осенняя листва, ранее сметенная ветром, лежала на месте. Листья, покрытые тончайшей изморозью, влажно переливались багрянцем, а их невозмутимый вид еще больше запутывал друзей. На деревьях не оставалось ни следа от страшных изломов, разорвавших стволы на части. Пожухлая трава была на месте, никем не тронутая. Даже замерзшая роса продолжала ярко переливаться в лучах солнца. И все остальное тотчас вернулось к жизни. Рассвет заиграл всеми красками, птицы начали голосить, приветствуя новый день, и ручей, до того молчавший, словно в рот воды набрал, обрушил на беглецов целый калейдоскоп звуков.

Ничего не указывало на страшное, сокрушительное землетрясение, что чуть не унесло их жизни. Лишь несколько черных перьев, оставшихся от вороны, да рюкзак, который уронил один из королевских солдат, напоминали о том, что здесь произошло. Растерянные, оглушенные друзья стояли посреди лужайки и смотрели по сторонам, боясь взглянуть друг на друга. И не могли выдавить из себя ни единого слова.

Каждый боялся признаться в том, что стал свидетелем настоящего черного колдовства. Разум изо всей силы отрицал очевидное и старался найти правдоподобное объяснение.

Может, вечером съели что-то, содержащее сильный дурманный яд, и все им привиделось? Ягоды? Грибы? Рыба? Чем же они ужинали?

Первым очнулся Стэйн. Он рванул к тому месту, где стояла Крис, и начал голыми руками отбрасывать в сторону камни, тщетно надеясь на то, что его друг где-то там, под ними. Но под валунами его встретила каменная земля, которую не возьмет ни лопата, ни топор. Так, стоя на коленях, парень закрыл лицо руками.

– Ничего нет, – растерянно выдавил он из себя. – Что это? Дьявольское наваждение? Сатанизм? Или я сошел с ума?

Лейф тихо подошел к брату:

– Я тоже видел, – сказал он.

– И я видела, – торопливо добавила Агнетта.

Она-то, в отличие от всех, и не пыталась отрицать очевидное. Ведь знала, на что способны зависть и черная ненависть, приправленные магией. Вот только не понимала, как все объяснить друзьям так, чтобы они не начали сомневаться в ее рассудке.

– И я... видел... – нашел в себе силы признаться Сварт.

– Мы найдем ее... его, – тихо прошептала Агнетта.

– Конечно, найдем. – Стэйн уже взял себя в руки. – Возвращаемся. Что бы это ни было, оно утатило Усача и Криса в замок. Больше некуда.

И, подхватив рюкзак, уже направился в обратный путь.

– погоди, – окликнул его Сварт. – Не надо принимать поспешных решений.

– А чего ждать? – запальчиво выкрикнул Стэйн. – Крис точно там, и нужно его спасать.

– Не буду спорить. – Сварт, все еще держась на расстоянии от взбудораженного Стэйна, начал тихо объяснять: – Подполковник расклеит наши ориентировки на каждом шагу. Пообещает награду.

– И что?

– А то, что мы не успеем даже дойти до города. Рыбаки или фермеры сами скрутят нас, не дожидаясь гвардейцев. Знаешь же, как у народа с деньгами. За медный вольден продадут и друга, и мать родную. Нам надо быть умнее и хитрее.

– И у тебя есть другой план? – Стэйн уже начал терять терпение.

– Я предлагаю идти туда, куда и собирались. В Варкушиль.

– Ты что? Тратить еще несколько дней? Пока Крис в тюрьме? – Стэйн уже успел сделать два шага в сторону города, показывая свои намерения.

– И даже не несколько дней. А больше.

– Ни за что!

– Стэйн, послушай! Нам надо выработать план побега, изменить внешность, все хорошо продумать, подготовить путь отступления, укрытие для Криса, для нас всех...

Стэйн тряхнул головой, отменяя все доводы.

– Выслушай его, Стэйн, – тихо сказала Агнетта. – Сварт дело говорит.

– Еще бы ты его не хвалила, – огрызнулся Стэйн, со злости намекнув на очевидную симпатию молодого лейтенанта к девушке. – Вам всем плевать на Криса. Только я его хорошо знал, только мне он друг. А вам-то что?

В глазах Агнетты появились слезы.

– Зачем ты так?

– А затем! Вместо того чтобы бежать – спасать, мы топчемся на месте и тратим время на ерунду.

– За решеткой мы мало чем поможем ему, – теперь уже Лейф вмешался в разговор. – А если подготовимся, у нас будет шанс.

– Тем более я прекрасно знаю замок. Все его тайные ходы и выходы. Я изучил карты и помню их наизусть, – добавил Сварт.

– Тоже искал клад? – язвительно усмехнулся Стэйн.

Сварт смешался и покраснел.

– Неважно, – встряла Агнетта. – Главное, что знает. И я знаю замок изнутри. Где какие помещения, для чего служат. Вместе мы обязательно что-нибудь придумаем.

– Я уже придумал. – Стэйн просветлел лицом от идеи, осенившей его. – Помните, Крис говорил, что сбежал из тюрьмы через шахту. Нам надо найти ее. Вдруг он в той же камере?

– Шахту? Но в подземелье нет никаких шахт, – наморщил лоб Сварт.

– Есть. Вентиляционная.

– Точно нет, – уперся Сварт, – кому бы взбрело в голову вести из подземелья вентиляцию? Да и вентиляционные шахты узкие, Крису там не пролезть. Там и ребенок застрянет. Может, он что-то перепутал?

– Нет, Крис четко рассказал про долгий спуск в подземелье. А потом в подробностях описал шахту, – Стэйн и сам задумался, – правда, еще тогда мне шахта показалась странной, слишком грязной.

– А если это не вентиляция? – предположила Агнетта. – А старый дымоход? Вспомните, Крис был весь в грязи и саже. Откуда в вентиляции может быть сажа?

– Точно! – Сварт хлопнул в ладони. – Дымоход! Я уверен, что это он, а не шахта.

– С чего бы королю взбрело в голову отапливать подземелье? – скривился Стэйн, повторив недавние интонации лейтенанта.

– А с того бы, – вспыхнул Сварт, но, поймав укоризненный взгляд Агнетты, стушевался и постарался взять себя в руки. – Король Вальгард организовал в подземелье замка тюрьму для королевских приближенных, нарушивших закон. Чтобы знать не сидела вместе с нищетой.

Сварт поморщился, показывая неодобрение к такому разделению. После того как он побывал в лазарете для бедных, стал точно уверен, что худшего наказания не найти. Да любой богач, зная о том, что его ждет тюрьма, полная уличного сброда, сто раз подумает, прежде чем

совершить проступок. Наказание за прегрешение и должно быть суровым, вселяющим ужас. Убить кого-то в пьяной драке и отправиться в подземелье со всеми удобствами? Разве это научит чему-то богатого, разбалованного пьяницу и дебошира? Да выйдя на свободу, он вновь надерется в ближайшем кабаке и затеет новую драку.

– Но в подземелье зимой было холодно, и король приказал построить громадные камины, как в замке, чтобы преступники не мерзли. И на этом он не остановился. По его задумке камины должны были греть воду в огромных котлах, от которых в камеры хотели провести трубы. Я видел чертежи. Чудо инженерной мысли, – лейтенант воодушевился как мальчишка и уже начал рассказывать об устройстве, но Стэйн нетерпеливо прервал его:

– Ну и?

– Камин-то построили, даже котел с горем пополам соорудили, но на этом все и закончилось. – Лейтенант досадливо махнул рукой. – В общем, горе-строители не справились с дымоходом, вывели его не вверх, как положено, а вбок. Когда камины впервые запустили, обитатели замка отравились дымом. Исправить ошибку не смогли. Вальгард решил отказаться от этой идеи, и камины разобрали. А дымоход остался.

– И где тогда держали Криса, что он смог выбраться через него?

– А в той комнате, где и выстроили камины. Она небольшая и находится на нижнем ярусе.

– Осталось надеяться, что Крис опять там, разработать план да все подготовить для побега, – воскликнул Лейф.

Мальчишка так воодушевился, что румянец окрасил вечно бледные щеки. Еще бы. В самых смелых мечтах он и не думал, что будет кого-то спасать. Даже себя. Ведь жизнь казалась настолько беспросветной, что Лейф боялся хоть о чем-то мечтать. А тут ему предстоит стать героем. Он единственный, кто сможет пролезть по узкой шахте. И он готов!

Стэйну, несмотря на воспротивившееся сердце, требовательно толкнувшееся в ребра, пришлось согласиться с друзьями. И они направились в Варкушиль, единственное место, где можно хоть какое-то время отсидеться.

В этот момент Лейф на несколько минут потерял знаменитое красноречие и стал похожим на немногословного, скупого на слова старшего брата. То, что произошло с фермой, потрясло его. И он не стал посвящать Крис в подробности. Даже думать об этом больно, не то что проговаривать вслух.

Прожив среди развалин некоторое время, беглецы подготовили план побега. В заброшенных, полузасыпанных погребках фермы оборудовали временное укрытие, именно там они собирались прятать Крис. Почему Варкушиль? На нем особенно настаивала Агнетта. И Крис, слушая Лейфа, сразу поняла причину этого.

Наивная девушка верила в айн и хотела отвести Крис на вершину горы.

Ха!

Айн не существует.

Это все небылицы, рассказы, полная ерунда.

Потому на родине братьев Одманнов им делать нечего. Надо поискать счастья в местах, не связанных ни с кем из них, чтобы ищейки Люта не могли вычислить беглецов. Или убраться подальше от этого проклятого острова, ставшего настоящей тюрьмой для его жителей. Как жаль, что у них нет корабля или хотя бы лодки... Да она готова плыть на плоту. Уж лучше найти смерть в море, чем в подземелье в смертельных объятиях Мортуса, заживо переваривающего внутренности жертвы.

Но об этом она подумает потом.

Пока нужно сделать все для того, чтобы пролезть через дымоход. Воодушевленная Крис вновь принималась за упражнения.

Глава 10

– Ничего не понимаю! Откуда такая вонь? – Илайна как ураган влетела в тесную комнатушку и тут же заполнила ее негодованием до самого потолка.

Она раздраженно сморщила нос, прикрыв лицо надушенным платком.

– Боже мой! Смрад такой, как будто ты прячешь под кроватью гору трупов.

Илайна подозрительно уставилась на Марлу, вытаращившую от испуга глаза, и Кристайн, мгновенно принявшую равнодушный вид. Не получив ответ, начала озираться по сторонам, словно в комнате действительно где-то спрятаны полуразложившиеся останки.

– Пока вы не зашли... ничем не пахло, – иронично протянула Крис и вызывающе уставилась на самозванку, в открытую намекая, что именно та является источником неприятного запаха.

Илайна бросила на племянницу рассерженный взгляд, но украдкой все же понюхала одежду. Неужели этот запах и впрямь от нее? Уж больно самоуверенный вид у девчонки. Кто знает, что могла впитать ткань и волосы, пока Илайна в очередной раз суетилась на королевской кухне, готовя для Хэйварда секретное лакомство. Ленивые слуги вполне могли забыть мешок с отходами или еще чего похуже.

Подумав об этом, Илайна мысленно выругалась, закатив глаза.

Ох уж эта кухня... Мысли об этом мгновенно испортили и без того далеко не радужное настроение.

Каждые два дня она вынуждена была проходить через унижительную процедуру. Как какая-то повариха, спускалась на кухню и самолично готовила королю еду, предварительно выдворив всех работников. Она! Королева Вольденгории!

Это недопустимо! Невообразимо! Незаслуженно!

Что ж ей так не везет? Проклятая судьба хочет оскорбить, принизить, щелкнуть по носу... Ну ничего. Илайна лучше судьбы знает, где на самом деле ее место, и скоро его займет. И если ради этого нужно покрутиться на насквозь пропахшей едой кухне, то она будет это делать.

И все из-за Хэйварда.

Он потерял разум настолько, что стал неуправляемым. Слуги, пытаясь накормить короля, к концу трапезы были по уши в плохо пережеванных объедках. Тот вел себя хуже полугодовалого ребенка. Плевался, разбрызгивал суп, размазывал кашу руками по одежде, лицу, волосам, потом тряс головой из стороны в сторону, то есть делал все, чтобы измотать шокированных слуг, которым никак не удавалось с ним справиться.

Конечно, Илайна больше не подходила к нему.

Вот еще!

Чтобы король выплюнул остатки еды на нее?

Да она задушит его собственными руками.

Но из-за этого Илайна потеряла возможность подмешивать в блюда короля частичку Мортуса. Да и даже если могла, то все старания оказывались напрасными. Король выплевывал слизь вместе с едой.

Илайна, которая уже радовалась тому, что все идет хорошо, снова испугалась. А если слизи, втираемой каждую ночь в лоб короля, будет недостаточно? Кристайн же не сошла с ума, а лишь забыла то, что Илайна ей велела.

С королем ее такой вариант не устраивал. Чтобы осуществить все планы, нужно лишить его даже капли рассудка. Он должен стать безумным, не способным связать и двух слов, полностью невменяемым.

Сломав голову над тем, как же выпутаться из этой ситуации, Илайна заметила, что одна из служанок регулярно носит Хэйварду фруктовое желе. И возвращается с пустым подносом.

– Король что, все съел? – не удержалась однажды она от вопроса.

– Да, госпожа! – Служанка присела в глубоком приветствии, чуть ли не свалившись на пол.

От страха.

Где это видано, чтобы королева напрямую разговаривала со слугами? За нее это делала Марла, передавая вопросы и поручения госпожи.

Конечно, бедная девушка была на грани обморока.

– Желе? – Илайна вопросительно подняла брови.

Она знала, что король – любитель сладкого, но он обожал горячий шоколад, корицу, жирный крем, пышные яичные бисквиты, а тут желе...

Вода водой, еще и противно трясется, как студень. Фу...

– Это единственное блюдо, которое король в состоянии съесть целиком, – пролепетала служанка.

И действительно, прохлада, нежная текстура успокаивали вечно пересохший, покрывшийся незаживающими язвами рот. К тому же желе не нужно жевать, а у Хэйварда болело все, и зубы тоже.

С тех пор Илайна лично готовила десерт для короля. Не поручая это дело никому. Даже Марле. Старая сплетница и интриганка давно вышла из доверия. Ни на что не способная. Все нужно делать самой. И готовить тоже.

Правда, «готовить» – громко сказано. Илайна доводила желе до совершенства, добавляя в уже готовое блюдо частицу Мортуса.

Превозмогая отвращение, она разбавляла слизь до нужной консистенции, набирала в шприц и, сопровождая проклятиями, несущими королю смерть, впрыскивала содержимое в дрожащую субстанцию, наполняя лакомство изнутри причудливыми разводами. Их можно было бы назвать красивыми, но цвет... Черный с зеленоватым отливом уродовал нежнейшее желе, делая его похожим на кусок болотной тины. В таком виде Хэйвард его есть не хотел. Поэтому Илайне приходилось брать кондитерский мешок и сверху украшать желе кривоватыми розочками из крема, маскируя творение.

Спрятав блюдо под большой крышкой, Илайна относила желе наверх и лично кормила короля с ложки, стараясь не смотреть на то, как тот причмокивает от удовольствия, размазывая слизь по подбородку. К ее счастью или все же к счастью короля, который и без того был на волосок от смерти, желе он не выплевывал, а послушно съедал до последнего кусочка. Никто не знает, что сделала бы Илайна с королем, попади хоть капля еды на нее.

Вот и сегодня, скормив Хэйварду очередную порцию и уже дрожа от раздражения после пережитого унижения, Илайна заявила к Кристайн. Она хотела в очередной раз проверить, как Марла выполняет поручение. Ей отчаянно были нужны хоть какие-то положительные эмоции.

И что она увидела?

В камере стоял отвратительный запах. А Кристайн?

Хоть и свернулась на топчане, но Илайна и отсюда прекрасно заметила ее всклокоченные волосы, покрытое испариной тело, грязные разводы на лице.

Это вот так Марла справляется? Никчемная старуха!

– Почему девчонка такая грязная и потная? – Лжекоролева быстро обошла застывшую в центре камеры перепуганную Марлу по кругу.

– Марла? – взвизгнула она. – В чем дело?

Пока Марла собиралась с мыслями для достойного ответа о том, сколько сил и времени вложила в эту неблагодарную девчонку, Крис пыталась отдышаться.

Илайна пришла неожиданно, девушка не успела закончить зарядку и привести себя в порядок.

Сегодня она вновь встала пораньше и, отказавшись от завтрака, уже успела сделать интенсивную разминку и около сотни приседаний, в разгар которых и заявили нежданные гости.

– Марла! – тем временем не унималась Илайна, с брезгливостью глядя на бисеринки пота, выступившие на грязном лице Крис. – И я вижу это убожество за день до воскресения? Кого я, по-твоему, поведу к министрам? Это пугало?

Марла не смогла найти достойный ответ и обиженно отвернулась. Что тут скажешь в свое оправдание, когда Кристайн и впрямь выглядит растрепанной, неухоженной беспризорницей?

Но разве Марла в этом виновата? Ведь она целыми днями крутилась вокруг девчонки...

Марла вновь начала жевать нижнюю губу, жалея себя и упрекая Илайну в несправедливости.

– Прекрати чавкать, – рявкнула Илайна, успевшая довести себя до точки кипения. – У тебя два часа. Через два часа я желаю видеть роскошную красавицу, а не это чудовище.

– Сама ты чудовище, – шепотом огрызнулась Крис.

И была намного ближе к правде, нежели Илайна.

Когда самозванка покрывалась черными буквами с кроваво-красной каймой, то легко можно было поспорить, кто из них больше похож на чудовище: вспотевшая грязная Кристайн или Илайна.

Крис до сих пор не могла без содрогания смотреть на метаморфозы, происходящие с тетей. Во время приступов ярости та становилась настолько ужасающе жуткой, что у Крис холодели не только ладони, но и пятки, а по позвоночнику пробегала целая армия колющих мурашек.

– Молчи, – одернула ее Марла и быстро вышла вслед за Илайной, чтобы распорядиться об организации ванны для Крис.

– Ну ничего, – пробурчала Крис. – Сегодня-завтра я уже буду далеко отсюда. – И бросила взгляд на вентиляционное окно.

Нити сильно растянулись, оставалась буквально пара сантиметров, и можно будет сунуть голову в шахту. Так Крис, образно говоря, пусть и не вся целиком, окажется за пределами комнаты, и сторожевые нити должны исчезнуть.

Но вот что делать с такими крохотными и в то же время безнадежно огромными сантиметрами, она не знала. Обруч наливался краснотой, а затем начинал белеть, вынуждая Крис отступить.

Как преодолеть их?

Друзья, уже подготовившие все для ее побега, день и ночь искали способ, да и сама Крис сломала голову в поисках решения. Правда, пока безрезультатно.

Но все разрешится. Крис была в этом уверена. Иначе зачем все эти мучения на ее пути? После тьмы всегда должен быть свет.

Ее время пришло.

За много лет блуждания в полной темноте она заслужила хотя бы жалкий лучик.

– Это же надо все испортить, – ворчала Марла, орудуя жесткой мочалкой. – Что ты делала? Перестановку, что ли? Таскала топчан из угла в угол? Почему такая грязная?

Крис молчала, терпеливо снося грубость старой няни.

– А волосы? Еще вчера лежали прядь к пряди. А сейчас что это? Настоящее воронье гнездо! А не замышляешь ли ты чего?

Марла неожиданно дернула Крис за прядь волос.

– Ай! – воскликнула та. – За что?

– Сдается мне, что все это неспроста. – Марла продолжила наматывать на кулак волосы Крис. – А ну, говори, что задумала?

И рывком притянула голову Крис к себе.

Нагнувшись, старуха заглянула ей прямо в глаза, дыхнув в лицо ненавистью, дряхлостью и мертвечиной. От сырости, отчетливого запаха прелой земли и неумолимой смерти перехватило дыхание. Крис почудилось, что она очутилась вместе с Марлой в глубокой могиле, похороненная заживо.

Ощущение было таким реальным, что Крис даже увидела, как из глаз старухи показались могильные черви. Они начали медленно пожирать глаза, обнажая зияющие чернотой и ненавистью дыры. Вскоре ненависть погасла, сменившись безразличием. Осталась лишь пустота, и черви принялись за щеки, переплетенные сеткой морщин.

Крис взвизгнула и от ужаса впилась ногтями в дряблую руку старухи.

– Отцепитесь от меня! – Ногти вонзились еще глубже.

Пальцы скрючило так, что Крис засомневалась, а сможет ли она вообще когда-нибудь их расцепить.

Марла охнула и попыталась разжать руку Крис. Но перевес сил был явно не на ее стороне. Старческие косточки захрустели, и Марла была вынуждена отступить. Выпустив прядь волос, она схватилась за дверную ручку:

– Говори немедленно, а то я позову Дана и Бо! – Поняв, что не справляется, хитрая старуха решила прибегнуть к давно проверенному методу, который действовал на строптивую девочку лучше смиренной рубашки.

– Танцевала я! Тан-це-ва-ла! – выкрикнула Крис, тут же задрожав при мысли о том, какими взглядами будут ощупывать ее братья-близнецы.

И возможно, не только взглядами.

Они и без того в последнее время так откровенно пялились на нее, буквально раздевая глазами, что Крис мутило от отвращения. Ей чудилось, что по телу ползают огромные волосатые насекомые, шустро перебирающие лапами и норовящие проникнуть во все уголки. Особенно те, что скрыты от людских глаз.

Что будет, если они увидят ее сейчас, когда на теле нет ни единой нитки? Да их и Марла не удержит. Того и гляди уложат прямо здесь, на топчане. Проверять, так это будет или нет, Крис точно не хотела. Поэтому перепуганный мозг выдал то, что выдал. Крис сказала и сама опешила, что уж говорить о Марле.

– Что делала? – Старуха настолько сильно удивилась, что отошла от двери.

– Вы же сказали, что я как бревно! – огрызнулась Крис. – Вот я и пыталась...

– Сдается мне, ты врешь, – без обиняков заявила Марла, настороженным взглядом шаря по комнате. – Ты что-то задумала, но я никак не соображу, что именно.

Она попыталась заглянуть под топчан, но, поняв, что не сможет так низко наклониться, отказалась от этой затеи и пошла вдоль стен, шаря по ним руками в поисках сама не зная чего.

– Может, ты готовишь побег? Дыру какую копаешь? Поэтому и грязная... – бормоча себе под нос, старуха подошла близко к дальнему углу.

Кровь вскипела. Крис только сейчас поняла, что значит это выражение. Щекам стало горячо, как будто она ошпарила лицо, сдуру наклонившись над кипящей кастрюлей. В груди словно что-то взорвалось, заколотилось, из-за чего сбилось дыхание. Лоб покрылся крупными каплями пота. Еще немного, и пронирующая Марла догадается, что к чему.

Что делать?

Фокус с обручем больше не удастся, да и пострадает от этого сама Крис, предусмотрительная Марла никогда не брала сторожевые нити в руки. Она видела раны на ладонях Илайны и не хотела повторения. И ожог на шее Крис благодаря снадобьям старухи зажил. Стало намного легче растягивать нити. Ведь раньше при любом касании даже холодного обруча кожа на шее отзывалась пульсирующей болью. Новые раны ей точно ни к чему.

– Хотите, покажу, чему научилась! – До этого момента всегда стеснявшаяся Крис встала в полный рост в деревянном чане, выплеснув часть воды и мыльной пены на пол.

Быстро выбравшись из него, она схватила простыню, в которую заворачивалась после купания, торопливо накинула на себя и начала танцевать, поскальзываясь на мокром полу.

Получилось не очень. Можно сказать: совсем плохо. Деревянное тело не гнулось, простынь мешала, да еще и скользкие полы норовили дать почувствовать Крис всю твердость и непоколебимость столетних камней, из которых были сложены. Ни о каком изяществе или грации не могло быть и речи.

Марла оторопело уставилась на Крис и неодобрительно сморщилась, оценив ее неуклюжие попытки:

– Ты и правда бревно. Оно и то будет грациознее тебя. Ну кто так делает? Ты топаешь, как медведь. А твои руки? А ноги! Кошмар!

Марла не выдержала и схватилась за края простыни:

– Остановись, пока не убила. Посмотри, что наделала? Развела тут грязь!

Крис послушно замерла, тяжело дыша. Паника начала отступать, и она только сейчас поняла, что все это время была сильно напряжена. Расслабившись, почувствовала такую боль во всем теле, словно несколько суток провела без движения. Ныли все до единой мышцы. Кое-как доковыляв до топчана, Крис села и с наслаждением вытянула ноги, пытаясь отдышаться.

Марла, по привычке зажевав нижнюю губу, задумалась:

– Ладно. Давай будем приводить тебя в порядок. А потом подумаем, что с этим делать. В конце концов, до свадьбы обучим тебя основам. В замке есть талантливый танцмейстер, он способен обтесать и самое негнущееся полено. Не переживай, во время первого свадебного танца будешь выглядеть достойно.

«Вот об этом я переживаю в последнюю очередь, – тихонько выдохнула Крис. – Мне нужно быть внимательней. И осторожней. Уже второй раз Марла едва не догадалась. В третий раз мне вряд ли повезет!»

Видя, что Марла склонилась над баночками с косметикой, она украдкой посмотрела в темный угол.

После каждого визита Лейфа и попыток растянуть сторожевые нити Крис собирала пыль с пола и тщательно обмазывала стену, чтобы скрыть следы его и своих рук. Стена выглядела как надо. Старой, грязной, никем не тронутой уже много лет.

Но окошко!

Его не спрятать. Вон оно, тревожно темнеет в углу. Хорошо, что свет от ламп туда не достает, и оно пока скрывается в тени, сливаясь с ней воедино. Но если близко подойти, то и тень не поможет.

Крис стало страшно.

А завтра ей исполняется шестнадцать. День, когда все свершится.

Крис стало еще страшнее.

Глава 11

Ночь перед советом сразу заявила о себе. Она наполнила тесную комнатку тревогой, напряжением и тоской.

Привыкшая к возне крыс, скребущихся под топчаном, Крис уже не боялась их и то и дело проваливалась в сон. Но буквально на несколько минут, чтобы спохватиться и резко открыть глаза, бездумно уставившись в темную стену.

Крис была измотана. Усталость, тревога давили на плечи, делали веки неподъемными, но она упорно боролась со сном. А все из-за того, что сегодня ей снилась Маргрит.

Та, которая молчала уже несколько месяцев. За исключением того случая, когда голос няни запретил раскрывать тайну Лейфу, Крис больше не слышала и не видела старую няню.

Сегодня Маргрит явилась в сон как ни в чем не бывало. Словно никуда не уходила.

И вновь начала рассказывать про айн.

Все нутро Крис противилось этим рассказам. Она снова и снова открывала покрасневшие глаза, не желая видеть и слушать эту чушь.

«Какие айны? – раздраженно думала она. – Все это такая ерунда. Сказка. А вот завтра меня отдадут совсем не сказочному министру, который потащит в постель делать несказочные вещи... И не посмотрит на то, что мне всего шестнадцать лет. Вот – реальность».

– Отстань от меня, – в полусне грубовато бросила Крис, пытаясь заглушить настойчивый голос Маргрит.

Потом устыдившись, жалобно добавила:

– Ну, няня. Ну, пожалуйста. Я хочу спать. Завтра тяжелый день. Мне совсем не до твоих сказок. Лучше б рассказала, как снять проклятые узы замка. Помогла бы мне хоть чем-то.

Но стоило ей закрыть глаза, как голос няни снова начинал плести кружевное полотно рассказа про айн. Петля накидывалась на петлю, сплетаясь в невообразимые узоры, внутри которых золотом горели причудливые буквы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.